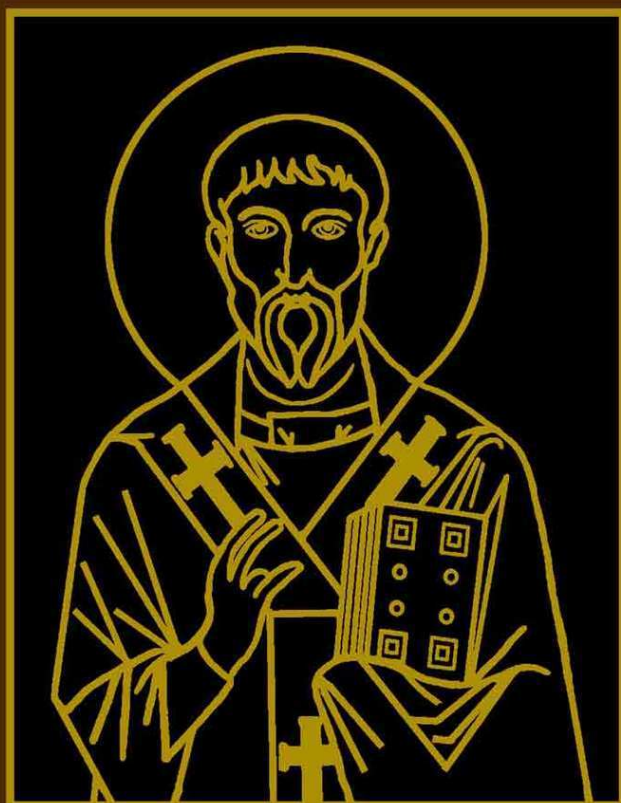

СВЯТИТЕЛЬ
ГРИГОРИЙ ДВОЕСЛОВ

ПРАВИЛО
ПАСТЫРСКОЕ

Григорий Двоеслов

Правило Пастырское

«Московское Троицкое Подворье Свято-Троицкой
Сергиевой Лавры Русской Православной Церкви»

УДК 27-46
ББК 86.372

Двоеслов Г.

Правило Пастырское / Г. Двоеслов — «Московское Троицкое Подворье Свято-Троицкой Сергиевой Лавры Русской Православной Церкви»,

ISBN 978-5-7789-0184-1

В одном из самых известных своих произведений святой Григорий Великий определяет, какие свойства должен иметь желающий посвятить себя пастырскому служению, показывает, каково должно быть поведение принявшего на себя пастырское звание, и рассуждает о том, как должен учить других истинный пастырь Церкви.

УДК 27-46
ББК 86.372

ISBN 978-5-7789-0184-1

© Двоеслов Г.
© Московское Троицкое Подворье
Свято-Троицкой Сергиевой Лавры
Русской Православной Церкви

Содержание

Предисловие[1]	6
Предисловие переводчика	8
Часть первая	10
Глава 1	10
Глава 2	12
Глава 3	13
Глава 4	14
Глава 5	15
Глава 6	17
Глава 7	18
Глава 8	20
Глава 9	21
Глава 10	23
Глава 11	24
Часть вторая	27
Глава 1	27
Глава 2	28
Глава 3	30
Глава 4	32
Глава 5	35
Глава 6	37
Глава 7	42
Глава 8	46
Конец ознакомительного фрагмента.	48

Святитель Григорий Двоеслов

Правило пастырское

*К 20-летию возрождения монашеской жизни на Московском
Подворье Свято-Троицкой Сергиевой Лавры*

Рекомендовано к публикации Издательским Советом Русской Православной Церкви

Святитель Григорий Великий (Двоеслов). Правило пастырское или О пастырском служении / Пер. с лат. Д. Подгурский. 3-е изд. Киев, 1874.
Издание исправлено.

Предисловие¹

В истории христианской гомилетики как теории или науки имя святого Григория Двоеслова († 604) следует тотчас же за именем блаженного Августина², и его «Пастырское правило», содержащее в себе так много полезных указаний для проповедника, должно стоять рядом с «Христианской наукой» Августина.

«Пастырское правило» писано Григорием на самых первых порах его епископского служения и писано в ответ на дружеские упреки, с какими относился к нему Иоанн, епископ Равеннский, по поводу его усиленных отказов от епископского служения³. Чтобы оправдать себя от этих упреков друзей, святой Григорий пишет сочинение, в котором показывает высоту и трудность пастырского служения, устрашающую всякого приближающегося к ней. С внешним поводом соединялась внутренняя потребность: вступив на кафедру епископа, святой Григорий, естественно, должен был подумать, где он и что он. И вот внутренние думы его пастырского самосознания вылились на бумагу и представили идеальные требования, какие предъявляет каждому должность пастырская. Эти думы отчасти выражены и в окружном послании его к епископам⁴, и в некоторых беседах.

«Пастырское правило» святого Григория Великого не посвящено исключительно проповедничеству, как не посвящена этому предмету исключительно и «Христианская наука» блаженного Августина, которая в первых трех частях говорит о способах толкования Священного Писания и только в четвертой части рассуждает о том, как найденный в Писании смысл излагать народу. «Пастырское правило» говорит о пастырском служении вообще, и прежде (в первой части) определяет, какие свойства должен иметь тот, кто хочет посвятить себя пастырскому служению, потом (во второй) показывает, каково должно быть поведение принявшего на себя пастырское звание, и наконец, только третья часть посвящена исключительно рассуждению о том, как должен учить других пастырь Церкви. В заключение присоединена четвертая, очень краткая часть, которая внушает пастырю и мудро учащему постоянную бдительность над собой, чтобы исцеляющий немощи и болезни других при успехе не увлекался гордостью и самообольщением.

Но мы не преувеличим дела, если скажем, что мысль об учительстве – главная, более других выдающаяся, мысль всей книги. Она составляет глубокий фон всего воззрения, раскрываемого святым Григорием, и прямо проторгается наверх даже в первых двух частях, где еще не начал говорить святой отец о тех способах, к каким должен прибегать пастырь при исполнении своего учительского долга. Оттого, между прочим, рассуждения об этих способах учительства, составляющие содержание третьей части, занимают собой две трети целой книги и вдвое более всех других трех частей, вместе взятых.

Сравнивая теоретические правила касательно проповедничества, заключающиеся в «Христианской науке», с гомилетической теорией, развитой в «Пастырском правиле», мы отдаем последней решительное преимущество пред первыми. В сочинении блаженного Авгу-

¹ Печатается по: Певницкий В.Ф. Святой Григорий Двоеслов – его проповеди и гомилетические правила. Киев, 1871. С. 299–303.

² Блаженный Августин (354–430) – знаменитый учитель Церкви IV века, оказавший огромное влияние на развитие богословской мысли на Западе. В основе его богословия лежит учение о Святой Троице, о грехах и благодати. Догматическими и преимущественно полемическими трактатами по этим вопросам он положил начало новому направлению богословской мысли, впервые выдвинув в богословской науке так называемые онтологические вопросы, то есть об отношении человека к Богу. – *Ред.*

³ S. Greg. M. *Regulae pastoralis Liber ad Joannem episc. civitatis Ravennae*. Prima pars. Patr. c. compl. T. 77. Col. 13; S. Greg. M. *vita*, auct. Paulo Diacon. n. 14. Joanne Diac. 50. 4. n. 73. P. c. c. T. 75. Col. 48, 224.

⁴ S. Greg. M. *epistol.* 50. 1. Ep. 25 ad Joannem, ep. const. et caeteros patriarchas. P. c. c. T. 77. Col. 468–479. Сокращенный перевод этого послания см. в «Воскресном чтении» (1849–1850 (13) № 32. С. 337–340).

стина собственно гомилетического очень мало. «Христианская наука» представляет первую попытку приложения обыкновенной риторики к церковному красноречию и скорее может быть названа риторикой христианской, чем гомилетической. Она рассматривает пастырское слово с отвлеченной, формальной стороны и главные основания своих правил заимствует из старой языческой риторики. Так, она указывает, согласно с Цицероном и другими риториками, три цели красноречия: учить, нравиться и убеждать – и развивает эти понятия; так, она говорит о слоге низком, умеренном и высоком и показывает употребление каждого из них. Правила, начерчиваемые «Христианской наукой» Августина, с одинаковой силой относятся как к светскому, так и к духовному красноречию, и новое, оригинальное по отношению к языческой риторике составляют у Августина одни примеры, которые он берет из Священного Писания и из отцов латинских – Киприана и Амвросия. Эти примеры подводятся у него под риторические законы, и подводятся часто довольно произвольно, и обсуждаются при этом довольно поверхностно и мелко. В «Пастырском правиле» нет внешней риторики в том виде, как она развита у блаженного

Августина: задача его шире и решение ее глубже, плодотворнее и самостоятельнее, чем у Августина в «Христианской науке». Тогда как Августин с запасом риторических правил в руках определяет внешние условия хорошего проповедного слова, Григорий хочет определить внутренние условия достойного проповеднического служения: он рассматривает проповедь вместе с проповедником, оттого картина, им представляемая, шире и содержательнее, чем у Августина: у Августина проповедь трактуется как вид красноречия, у Григория же проповедь есть обязанность пастыря Церкви. Отсюда здесь для гомиластики гораздо больше плодотворных указаний, чем у Августина. Недаром «Пастырское правило» долгое время было руководственной книгой для лиц, посвящающих себя пастырскому служению.

В книге, поставившей себе широкую задачу, частное дело проповеди не могло быть отмечено определенными и связными чертами. Идеал проповедника носится в мысли читателя пастырского наставления, но носится в образе неполном, рисуется той или другой отрывочной частной чертой. В этом отношении полноте представления не помогает и длинное рассуждение о том, как учить пастырю, встречаемое в третьей части, – не помогает потому, что оно, не рисуя цельного образа проповедника, подробно анализирует одну частную мысль: как применяться к слушателям проповеднику и, применяясь, разнообразить одно и то же учение, то есть как учить мужчин, как женщин, как юношей, как старцев, как бедных, как богатых и так далее. Между тем из внимательного прочтения книги, из сочетания в одно целое всех частных мест, касающихся проповедничества, рассеянных в книге, можно восстановить живой и полный идеальный образ, указать на который не излишне и полезно и в наше время, такое далекое от века святого Григория и такое богатое опытами предшествующих поколений.

Предисловие переводчика

Предлагаемое сочинение святого Григория Великого по содержанию своему озаглавливается обыкновенно «Правило пастырское» (*Regulae Pastoralis Liber*)⁵. В некоторых, впрочем, позднейших манускриптах и многих изданиях заглавие этой книги читается иначе: *О пастырской заботливости*, или *О пастырском попечении*, или же *О пастырском управлении* (*Liber Curae Pastoralis*). Поводом к последнему надписанию такового заглавия могло послужить самое начало этого сочинения с первых же его слов: *Pastoralis curae pondera* – *бремя* (трудности) *пастырского управления* или *служения* и так далее. Но первое надписание вернее, так как и сам автор в одном из писем своих к Леандру-епископу (*Lib.*⁶ 5, *epist.*⁷ 49), посылая ему это творение, называет сочинение свое «Книгой правил пастырских» (*Liber Regulae Pastoralis*). Такие же указания можно встретить и в других местах его же сочинений, например в письме 24 книги 12 к Иоанну, иподиакону Равенскому. Сводя сии заглавные надписания, мы нисколько не погрешим против содержания этого сочинения, озаглавив его так, как и озаглавили, то есть «Правилом пастырским», или *О пастырском служении*, каковое заглавие, по своему слововыражению, вполне соответствует и сущности дела, и требованиям русского языка.

Написана эта книга в ответ Иоанну, епископу Равенскому. Из ответного письма, которое служит предисловием, или введением, к самому сочинению и содержит в себе план всего сочинения, видно, что Иоанн упрекал святого Григория в том, что он хотел уклониться от этого служения.

«Правило пастырское» святого Григория Великого, называемого в нашей Восточной Церкви *Двоесловом* (от его *диалогов-собеседований* вдвоем с диаконом своим Петром), по поручению императора Маврикия переведено было на греческий язык Анастасием, епископом Антиохийским, но, к сожалению, перевод греческий утрачен. По свидетельствам соборов, это в точном смысле слова *Правило пастырское* признаваемо было на Западе настольной книгой для всякого священника и для всякого епископа. Так, на Маинцком соборе (*in concilio Moguntino*) в 813 году оно признано первой книгой после Священного Писания и церковных правил, необходимой для всего духовенства; на Реймском соборе (*in concilio Rhemensi*) в том же году оно читано было как руководство для пастырей; на Турском и Кабилонском соборах вменено в обязанность епископам читать и разуметь эту книгу и с ней сообразоваться; а по свидетельству Гинкмара Реймского (*in praefatione Opusculi 55 capitulorum*), каждый епископ при поставлении своем (хиротонии) брал в руки «Правило пастырское» святого Григория вместе с книгой церковных правил и клялся пред алтарем, «*ut ita servaret (canones et Regulam Pastoralem) in iudicando, vivendo et docendo, sicut ibidem descriptum est*», что он так будет хранить эти правила, и в мыслях, и в жизни, и в учении, как в них предписано.

На русском языке это сочинение святого Григория по частям было переведено в «Христианском» и в «Воскресном чтении», в целом же виде помещено в «Руководстве для сельских пастырей» за 1871–1872 годы.

Д. Подгурский

Посвящается

ПАСТЫРЯМ ЦЕРКВИ

Ut ita servarent (Regulam Pastoralem) iu iudicando, vivendo et docendo, sicut
ibidem descriptum est.

⁵ До нас дошли 848 писем Григория Великого, заключающие в себе нравственные наставления и практические наблюдения и замечания. – *Ред.*

⁶ Liber – книга.

⁷ Epistola – письмо.

(Чтобы так мыслили, жили и учили, как в этой книге предписано.)

Nincomarus, Rhemensis Archiepiscopus, in praef. Opuscul. 55 Capit.

(Церковный писатель IX века.)

Не нарушая скромности и благорасположения ко мне, ты упрекаешь меня, возлюбленный брат, за то, что я, скрывшись, хотел было уклониться от принятия на себя многотрудного служения пастырского. Чтобы это служение кому-либо не показалось делом легким и мало-важным, я излагаю в настоящем сочинении все, что относится, по моему разумению, к трудности и важности оно́го. Этим хочу я предостеречь как тех, которые не вступили еще в звание пастырского служения, чтобы в избрании его не были опрометчивы, так и тех, которые неодуманно домогаются этого звания, чтобы на принятие оно́го смотрели со страхом и трепетом. В книге этой все рассуждение разделяется у нас на четыре части, дабы читатель мог с отчетливостью переходить от предмета к предмету шаг за шагом, как бы по ступеням лестницы, именно: чтобы каждый, кому обстоятельства указывают вступить на поприще пастырского служения, предварительно размыслил и надлежащим образом обсудил, каким он должен явиться на высоте этого служения; а достигнув оно́го законно, какую должен он вести жизнь во всю жизнь призвания своего; живя же достойно призвания, каким образом надлежит ему поучать паству свою; наконец, право правяще слово истины, с каким вниманием нужно ему ежедневно следить и за собственными немощами, чтобы ни высота его служения не была чужда смирения, ни образ жизни его не был в противоречии с достоинством сана, ни назидательность словесного учительства его не расходилась с назидательностью доброго поведения, ни учительство не увлекало его к гордости и самообольщению. Итак, прежде всего, пусть страх умеряет в нас стремление к пастырскому служению; потом, пусть прохождение этого служения, достигнуто́го без домогательств, оправдывается и самой жизнью пастыря; далее, необходимо, чтобы с добрыми качествами жизни пастырской приумножались и благие плоды устной проповеди между пасомыми; а в довершение всего нужно, чтобы пастырь размышлением о своей немощи обуздывал всякое самообольщение относительно своих совершенств, да не погасит их гордыня превозношения пред взором невидимого Судии! Атак как многие, подобные мне, невежды, не испытав себя, усиленно желают и домогаются учить других тому, чему сами не учились, и, не зная важности пастырского служения, считают его самым легким, то я постараюсь вразумить таковых в самом начале этого сочинения, дабы столь опрометчиво отваживающихся без всякого обучения овладеть священным местом учительства отразить у самых, так сказать, врат храма и остановить их дерзновение.

Часть первая

О том, что значит достойно приступать к пастырскому служению и как опасно домогаться его недостойным

Глава 1

Невежды да не дерзуют принимать на себя звание пастырского служения.

Никто в мире не берется учить других какому-либо искусству, не изучив его сам наперед с самой тщательной подготовкой. Как же безрассудно поступают те, которые дерзуют принимать на себя пастырское служение, нисколько не приготовившись к этому служению, между тем как управление душами человеческими есть искусство из искусств! А кто не знает, что душевные болезни сокровеннее и опаснее болезней телесных? И, однако же, часто случается видеть, что вовсе не знакомые с духовными правилами не страшатся выдавать себя за врачей душ, тогда как не знающие силы и действия трав и мазей не смеют выдавать себя за врачей телесных. Но так как теперь при содействии Божиим всякая уже власть нынешнего века преклоняется под иго веры, то вот и находятся люди, которые в самой Церкви святой под видом управления ею домогаются суетной славы и почестей: желают казаться учителями, стараются одни пред другими превзойти всех прочих и, как свидетельствует Сама Истина, *любят первые целования на торжествах, преждевозлежания на вечерах и председания на сонмищих* (Мф. 23,7,6; ср.: Мк. 12,38–39; Лк. 20,46). Но таковые люди по тому уже самому не могут достойно проходить служения пастырского, если они достигли его, что стремились к сему смиренному служению из одного тщеславия. Ибо и язык изменяет на кафедре тем, которые учат одному, а заняты бывают другим. На таких-то людей жалуется Господь, говоря чрез пророка: *Сами себе царя поставиши, а не Мною, начальствоваши, и неявиши Ми*⁸ (Ос. 8, 4); ибо те действительно царствуют от себя, а не по изволению Верховного Правителя и Вседержителя, кои, не имея потребных для сего талантов и не быв призваны свыше, но движимые одним честолюбием и страстью к преобладанию, не скажу: достигают, а – восхищают кормило правления. И Верховный Судия попускает им возвышаться, но не ведает их; потому что по допущению только терпит их, а приговором Суда Своего, конечно, отвергает их и не ведает. Так, некоторым, даже творившим чудеса во имя Его, Он скажет: *не вем вас, откуда есте: отступите от Мене еси делатели неправды* (Лк. 13, 27). Так же точно и неразумных пастырей обличал Он чрез пророков: *и держащий закон не ведеша Мя, и пастырие нечестоваша на Мя, не ведяще смысла, еси путем своим последоваша* (Иер. 2, 8; Ис. 56, 11). Здесь Сама Истина жалуется, что подобные пастыри не ведают Ее, свидетельствуя тут же, что и Она не ведает их и не признает начальства и власти не познающих Ее, потому что не ведающих яже суть Езподня не ведает и Господь, по засвидетельствованию апостола Павла: *ищели кто не разумеет, да не разумеает*⁹ (1 Кор. 14, 38). И надобно при этом заметить, что часто неведение пастырей вполне соответствует заслугам пасомых, так что хотя они, эти пастыри, собственно, по своей вине удалены бывают от Божия света, однако же, по праведному суду Божию, из-за невежества их должны бывают страдать и те, которые им последуют, составляя их паству. Посему-то в Евангелии и говорит Истина с учениками наедине: *оставите их: вожди суть слепи слепцем: слепец же слепца ище*

⁸ Поставляли царей сами, без Меня; ставили князей, но без Моего ведома. – Ред.

⁹ Латинский текст: «si quis autem ignorat, ignorabitur» (а кто не хочет знать, тот и сам не будет познан) ближе к контексту речи.

водит, оба в яму впадется (Мф. 15,14). Потому же и псалмопевец не в смысле желания, а по обязанности пророческой взывает: *Да помрачатся очи их, еже не видети, и хребет их выну сляцы*¹⁰ (Пс. 68, 24). Под очами тут разумеются пастыри, которые для того и поставляются выше прочих членов Церкви, чтобы все предусматривать и руководить ими; а хребтом названы те, кои последуют им с покорностью. Когда же потемняются очи, то преклоняется и хребет; потому что как скоро у руководителей омрачается свет Богопознания, то и последователи их, конечно, не могут не пасть под бременем грехов.

¹⁰ Выну сляцы́ (церковнослав.) – навсегда скорчи, согни. – Ред

Глава 2

Кто жизнью своею не соответствует умственной подготовке, иначе – кто на словах хорош, но на деле не хорош, тот лучше не принимайся за бразды управления пастырского.

Есть и другого рода люди, которые тщательно изучают правила духовной науки и внимательно следят за умственным усовершенствованием себя в Боговедении; но жизнью своей разрушают то, что умом добывают: все поучения и назидания их, почерпаемые из одной теории, а на практике ничем не подтверждаемые, даже нередко в противоречии состоящие, мгновенно и бесследно проходят; таким образом, что проповедуют они словами, то ниспровергают своими делами. И потому когда пастырь ходит по стремнинам, то что тут удивительного, если стадо, которое следует за ним, ниспадает в пропасть? Обличая такое пренебрежения достойное звание пастырей, Господь обращается к ним чрез пророка со следующими, между прочим, словами: *яко на блазей пажити пасостесь, и останок пажити вашей ногами вашими топчете, и устоявшуюся воду пиваете, и останок ногами вашими возмущаете, и овцы Моя попраием ног ваших живяху, и возмущенную воду ногами вашими пияху* (Иез. 34,18–19). И действительно, сами пастыри на доброй пажити пасутся и пьют чистую воду, когда они почерпают учение свое из чистого источника истины, разумно понимая его; но сию же самую пажить попирают и сию же самую воду мутят они ногами своими, когда порочной жизнью своей омрачают и позорят те святые правила учения, до которых стремятся возвыситься посредством созерцательного размышления. И вот попраиной ногами пастырей своих пажитью овцы их питаются и пьют возмущенную ими воду, потому что на подчиненных обыкновенно не столько действуют слова начальников, сколько примеры и дела их жизни. Пасомые алчут и жаждут чистого учения; но поелику это учение у пастырей их омрачено и опозорено их безнравственной жизнью, то они поневоле питаются гнилым хлебом и пьют грязную воду. Таковые-то священнослужители называются у пророка *пруглом* (мрежи, силок, тенеты) *строптивым* (ср.: Ос. 9, 8), которые соделались *в дому Израилеве* соблазном беззакония и нечестия (Ос. 6, 10). И никто в Церкви из членов ее не бывает столько вреден и пагубен для нее, как ¹¹ такие священнослужители, которые, живя дурно и уродливо, прикрываются именем и саном священным: ибо никто из пасомых не позволит себе обличать пастыря своего в пороках; а между тем пример слабостей его сильно может действовать на паству, которая из уважения к сану священнослужителя привыкает уважать грешника. О, конечно, эти недостойные пастыри с трепетом избегали бы такой тяжкой вины и ответственности, если бы чутким слухом сердца своего наперед вняли приговору возвещающей Истины: *иже аще соблазнит единаго от малых сих верующих в Мя, уне есть ему, да обесится жернов оселский на выш его, и потонет в пучине морстей* (Мф. 18, 6; см.: Мк. 9, 42; Лк. 17, 1–2). Под *жерновом осличим*, конечно, надобно разуметь здесь круговращения наподобие мельничных камней (ворочаемых ослиами) и вообще суетные заботы мирской жизни, а под *бездной морской* – тяжкое осуждение и наказание. Посему если кто, достигая священного сана, развращает других или словом, или примером в этом сани, то, без сомнения, лучше было бы и для него, и для других, если бы он таковую жизнь свою земную проводил до смерти в ином месте и при иных условиях, а не в таком звании и на таком посту, где служит соблазнительным примером для других к оправданию и чужих слабостей чрез подражание: ибо если бы он один пал, не увлекая за собой других, то не столько был бы виновен, а потому и на Суде Божиим подлежал бы меньшему осуждению и наказанию.

¹¹ *пасетесь на хорошей пажити, а между тем остальное на пажити вашей топчете ногами вашими, пьете чистую воду, а оставшуюся мутите ногами вашими, так что овцы Мои должны питаться тем, что потоптано ногами вашими, и пить то, что возмущено ногами вашими?* – Ред.

Глава 3

О важности пастырского управления; и что пастыри не должны страшиться никаких несчастий в сей жизни, а, напротив того, должны опасаться обольщений суетного счастья.

Я слегка коснулся этого предмета, желая показать, как велика ответственность пастырского служения, чтобы недостойные не отваживались принятием его на себя осквернять священные обязанности церковного управления и вместо возвышения не подверглись падению. Посему-то апостол Иаков с кротостью и отеческой любовью воспрещает подобное домогательство, говоря: *Не мнози учителие бывайте, братие моя, ведяще, яко большее осуждение приимем* (Иак. 3,1); посему же и Сам Ходатай Бога и человеков, несмотря на то, что Он от вечности есть Царь неба и превосходит разумом и ведением всех небесных духов, избегал царствия земного, как в Евангелии о Нем сказано: *Иисус... разумев, яко хотят прийти, да восхитят Его и сотворят Его царя, отъиде наки в гору един* (Ин. 6, 15). И кто неукоризненнее и достойнее мог бы принять на себя начальство над людьми, как не Он, Который теми же и управлял бы существами, которые Сам создал? Но поелику Он пришел на землю во плоти для того, чтобы не только искупить нас Своими страданиями, а и научить Своих последователей примером Своей жизни, как жить должны мы, то и не восхотел быть царем, скорее же последовал добровольно на пропятие; от предложенной

Ему самой высшей почести земной уклонился, а возжелал быть преданным позорной смерти, чтобы и мы, как члены Его, научились от Него убегать от почестей царских и не страшиться напастей, возлюбить страдания за истину и со страхом уклоняться от суетного счастья, потому что это счастье мнимое часто от напыщенной гордости портит сердце человеческое, а бедствия в горниле скорбей очищают его. В счастии человек делается более или менее надменным, а в несчастий большей частью смиряется; при счастии он забывается, при несчастий же волей-неволей приходит в сознание себя; счастье нередко губит и добрые дела наши прежние, а несчастье удобнее покрывает упущения и заглаживает грехи многих протекших лет. Бедствия в сей жизни составляют лучшую школу для укрощения нашей гордости; а как только подымаемся на высоту почетных должностей, в то же время подвергаемся и опасности тщеславия, и гордости. Так, Саул, который, признавая себя сначала недостойным власти, убегал от нее, коль скоро принял бразды правления, тотчас и возгордился: ибо, желая пользоваться уважением в народе, он не захотел сносить публичных укоризн от того, кто помазал его на царство, и в негодовании *раздрал* на нем *ризу* его (см.: 1 Цар. 15, 17–27). Так и Давид, который, по свидетельству Самого Бога, почти во всем угождал Ему, когда прошли дни испытания его, вскоре впал в тяжкий грех, умертвив безжалостно и бесчеловечно мужа, к жене коего почувствовал преступную страсть; и тот, который прежде был милостив и снисходителен к самым злодеям, возымел потом дерзость в страстном омрачении посягнуть на жизнь мужа добродетельного (см.: 1 Цар. гл. 13, 14; 2 Цар. гл. 11; Деян. 13, 22). До того времени он не решался лишать жизни и гонителя своего, врага, который был в его руках, а после того во вред своему войску, находившемуся в опасности, велел умертвить и верного воина своего! И, конечно, за этот тяжкий грех он был бы отчужден от сонма избранных Божиих, если бы новые удары бедствий не обратили его на путь покаяния и спасения.

Глава 4

О том, что занятия многими делами по управлению нередко развлекают нас и отвлекают от самих себя.

Часто бывает и так, что многообразные заботы управления развлекают дух наш до того, что он при множестве дел не имеет возможности обращать надлежащее внимание на каждое из них. Посему-то Премудрый подает благоразумный совет, говоря: *Чадо, деяния твоя да не будут о мнозе* (Сир. 11, 10); ибо когда мы устремляемся мыслью на многие предметы, то трудно уже бывает нам сосредоточиться на каждом из них вполне. А еще хуже то, когда мы чрез меру увлекаемся и развлекаемся внешними предметами, мало заботясь о внутреннем страхе за себя самих, когда погружаемся всецело в посторонние заботы, а о собственном долге и благе вовсе не помышляем, умеем много рассуждать о других, а самих себя не знаем и знать не хотим. В этих превышающих меру заботах душа наша, подобно путнику, постоянно развлекаемому посторонними предметами, забывает цель, к которой стремится; как бы отчужденная от своих нужд и потребностей, она уже не чувствует тех недостатков, которые терпит, и не замечает тех упущений и погрешностей, в которые впадает. Так, Езекия, конечно, не воображал, что он худо делает и грешит, когда показывал иноплеменикам все сокровища свои и ароматы; но услышал от Исаии, что этот легкомысленный поступок его навлек на него гнев Праведного Судии и обратится в пагубу его потомству (см.: 4 Цар. гл. 20; Ис. гл. 39). Часто бывает с нами, что, когда дела наши по занимаемому нами месту служения умножаются и когда они по видимому идут стройно и ведутся исправно, так что другие и самые подчиненные нам удивляются успешному течению их при таком множестве, в душе нашей в то же время совершается свой суд, обвиняющий и осуждающий нас, хотя во внешних поступках наших и не обнаруживается ничего подобного: ибо судия и подсудимые сокрыты в нас самих. Люди не знают, что там делается, не знают, как грешим мы в сердце своем; но, однако ж, этот неподкупный внутренний судия свидетельствует нам, что мы грешим. И Вавилонский царь не тогда осужден за гордость свою, когда высказал ее в словах; он услышал из уст пророческих это осуждение еще прежде, нежели обнаружил себя. Сначала он, можно сказать, даже наперед заглаждал преступление своей гордости, решившись всем подвластным народам проповедовать Бога Всемогущего, Которого он, по собственному сознанию, оскорбил; но потом, напыщенный успехами своего могущества, в мнимом величии своем вообразил себе, что он превыше всего, и вслед за тем с надменно-стью воскликнул: *несть ли сей Вавилон великий, егоче аз соградих в дом царства, в державе крепости моя, в честь славы моя!*¹² (Дан. 4, 27). В этих словах заключается уже открытое оправдание того гнева Божия, который возжжен был тайной гордостью: ибо Верховный Судия еще прежде незримо для нас видел то, что впоследствии публично осудил и наказал. Таким-то образом Он и обратил сего царя в бессловесное животное, отделил его от общества людей и приобщил к дивииим¹³ зверям, низвратив и ум его, чтобы по праведному суду и по закону справедливого возмездия перестал быть человеком тот, кто возмечтал считать себя выше человека. Впрочем, говоря все это, мы отнюдь не думаем порицать самую власть, а только желаем предохранить слабые души от домогательства оной, чтобы недостойные не дерзали восхищать высоких должностей начальственных, и те, которые не твердо стоят даже на ровном месте, не приближались к стремнинам.

¹² *это ли не величественный Вавилон, который построил я в дом царства силою моего могущества и в славу моего величия!* – Ред.

¹³ Дивий (церковнослав.) – дикий, лесной. – Ред.

Глава 5

О тех, которые образцовыми дарованиями своими могут быть полезны на высоком посту служения, но убегают одного ради своего спокойствия.

Но есть люди и наделенные особенными дарами благодати Божией, видимо возвышенные пред другими и для блага других великими способностями, люди чистые и неукоризненные по своему целомудрию, крепкие по своему воздержанию, упитанные, так сказать, туком¹⁴ здорового учения, приобывшие к смирению великодушным перенесением страданий, носящие как бы на челе своем печать власти, ко всякому благосклонные при своей кротости и вместе строгие по любви к правде. И если такие люди, быв призываемы к высокому посту служения, отказываются от принятия его, то они сами от себя отнимают и губят собственные дарования свои, которые получили не для себя только, но и для других. Помышляя о собственных лишь выгодах спокойствия своего, а не заботясь о пользе ближних, они сами себя лишают тех благ, которые думают найти в частной жизни своей. Вот почему и Сама Истина говорит ученикам Своим: *не может град укрытись верху горы стоя: ниже¹⁵вжигают светильника и ставят его под снудом, но на свещнице, и светит всем, иже в храме (суть)* (Мф. 5, 14–15). Вот почему и Петру предложен был Спасителем вопрос: *Симоне Нонин, любиши ли Мя?*.. – и когда апостол не замедлил ответить, что любит, то тут же сказано было ему: *паси овцы Моя* (Ин. 21, 15–17). Итак, если пастырские труды служат верным свидетельством любви ко Господу, то, и наоборот, кто отказывается пасти стадо Божие, имея к тому потребные способности и самое призвание, тот тем самым явно показывает, что он не любит Пастыреначальника. Потому же и апостол Павел говорит: *аще един за всех умре, то убо еси умроша. Христос же за всех умре, да живущии не ктому себе живут, но умершему за них и воскресшему* (2 Кор. 5, 14–15). Так и в законе Моисея постановлено, чтобы остававшийся в живых брат брал в замужество жену умершего бездетного брата и во имя его приживал с ней детей, так что если он отказывался взять ее, то она вправе была плюнуть ему в лицо, а он обязывался снять у себя с ноги своей сапог и вручить ей во свидетельство отречения своего¹⁶ от *ужичества*¹⁷, и затем место жительства его прозывалось *домом изутаго из сапога* (см.: Втор. 25, 5–10; Руфь 4, 7). Наш умерший брат есть Иисус Христос, Который по воскресении Своем, явившись Мироносицам, сказал: *идите, возвестите братии Моей* (Мф. 28, 10). Он умер как бы бездетен, потому что еще не исполнилось число избранных. Его-то жену (ихогем), или же невесту Его – святую Церковь, обязывается принять к себе и приютить как бы по жребию (*sortiri praecipitur*) всякий остающийся в живых брат, который в состоянии хорошо править ею и на которого может быть возложено такое управление. А если он отказывается от сего, то оскорбленная невеста плюет ему в лицо: это значит, что святая Церковь, упрекая получивших дары не для себя только, а и для других, но не заботящихся об употреблении их на пользу ближних, наказывает таковых презрением и как бы плюет. Можно сказать, что и у них снимается с ноги сапог и дом их можно назвать *домом изутаго*; потому что, по апостолу, мы должны обути нозе свои во *уготование благовествования мира* (Еф. 6, 15). Посему когда мы столько же заботимся и о ближнем, сколько и о себе самих, то у нас обе ноги обуты бывают. А кто свою только пользу наблюдает, а о пользе ближ-

¹⁴ Тук (церковнослав.) – жир, сласть; здесь: богатство. – *Ред.*

¹⁵ *Ниже* (церковнослав.) – даже ни. – *Ред.*

¹⁶ Здесь неверно: вдова снимала сапог с ноги брата покойного мужа, а не он сам у себя. – *Ред.*

¹⁷ Закон ужичества – брак, обязательный в силу родственной связи между брачующимися лицами. Закон ужичества действовал тогда, когда умирал муж, не оставив после себя потомства; в этом случае оставшуюся бездетную вдову должен взять замуж брат умершего, ее деверь, а первенец, родившийся от этого брака, должен считаться по закону сыном умершего, «чтобы имя его не изгладилось в Израиле». – *Ред.*

них не радит, у того как бы одна нога остается без должного прикрытия. Итак, есть, говорю, некоторые люди, осыпанные богатыми дарами благодатными, которые, однако ж, любя уединение и ограничиваясь собой, уклоняются от общественных занятий, могущих доставить пользу ближним высоким их служением, соответствующим их великим дарованиям, и, удаляясь на покой, отказываются от всяких общественных трудов. Но, судя беспристрастно, они, без всякого сомнения, настолько же делаются виновными, насколько могли бы принести пользы, если бы вступили в общественное служение. И какой тут смысл тому, кто, имея возможность соделаться полезнейшим для ближних своих и многих собратий, предпочитает свою частную выгоду уединения общей много плодной пользе, когда и Сам Единородный Сын Отца Небесного явился в мир из недр Отчих не для Своих каких-либо выгод, а для спасения многих?

Глава 6

О том, что уклоняющиеся от принятия на себя многотрудного общественного служения по своему смирению тогда только заявляют истинное смирение, когда не противодействуют судьбам Божиим.

Правда, есть и такие, которые убегают трудностей общественного служения по одному смирению, чтобы их не предпочли тем, коих они считают более достойными себя. Но таковое смирение, и то соединенное с другими добродетелями, тогда только бывает действительно в очах Божиих, когда оно не упорствует непокорным противлением принятию на себя общепользных обязанностей, возлагаемых на нас свыше. Ибо в том нет уже истинного смирения, кто слышит и понимает волю Божию, зовущую и обязывающую его к начальственному управлению над другими, а между тем пренебрегает этой властью. Истинно смиренный человек, покоряющийся всем распоряжениям Божиим и чуждый всякого сопротивления воли Божественной, когда возлагается на него какая-либо должность правительственная, и у него есть на то довольно дарований, чтобы быть полезным и для других, в душе своей должен избегать почестей и высокомерия, а на деле покоряться призванию, хотя бы то против воли.

Глава 7

О том, что иногда похвально бывает и самому искать проповеднического служения, а иногда похвально принять оное и по принуждению.

Смотря, однако ж, по различным обстоятельствам, иногда похвально бывает, когда одни сами желают проповеднического служения и стремятся к тому, а иногда тоже похвально бывает, когда другие принимают это служение вопреки своему желанию. Это яснее поймем мы, когда рассмотрим и сравним обстоятельства жизни пророков – Исаии и Иеремии, из коих один сам вызвался на дело проповеди, а другой с трепетом отказывался от этого служения. Так, Исаия на вопрос Господа: *кого пошлю, и кто пойдет к людям сим?* – в ту же минуту отвечал: *се, аз есмь, поели мя* (Пс. 6, 8); а Иеремия, когда посылаем был на проповедь, со смирением отклонял от себя это поручение, извиняясь неспособностью своей таким образом: *о, Сый Владыко Господи, се, не вем глаголати, яко отрок аз есмь* (Иер. 1, 6). Так-то различны были словесные ответы сих двух пророков, но как тот, так и другой ответ – оба проистекали из одного и того же источника любви. Любовь же заповедуется нам двумя заповедями: одной – любить Бога, а другой – любить ближнего (см.: Лев. 19, 18; Втор. 6, 5; Мф. 22, 37–40). Поэтому Исаия, желая деятельной жизнью своей содействовать спасению ближних, тотчас изъявил желание и готовность принять на себя должность проповедника; а Иеремия, стараясь чрез созерцательную жизнь более и более утвердиться в любви к Богу, хотел было уклониться от этой должности. Итак, чего один с неукоризненностью искал, от того другой со страхом и глубоким смирением отступал: один опасался, чтобы чрез принятие на себя должности проповеднического служения не лишиться плодов безмолвного созерцания, а другой – чтобы в безмолвии не потерять плодов деятельной жизни. Но здесь в обоих случаях не надобно упускать из виду того важного обстоятельства, что как тот, кто отказывался, совершенно не воспротивился (см.: Иер. 1, 9), так и тот, кто вызвался сам, предварительно очищен был углем горящим *от олтаря*¹⁸ (см.: Ис. 6, 5–8). А этим внушается то, что неочищенный не должен приступать к пастырскому служению, а тот, кого призывает к нему Божественная благодать, не должен неуступчивостью своей противодействовать ей под предлогом смирения. Но так как очень трудно знать каждому о себе, чист ли он, то безопаснее уклоняться от проповеднического служения; только не должно, как мы сказали уже, упорно противиться тому, когда на принятие этого служения очевидно высказывается воля Божия. Моисей в дивном посольстве своем совместил и то и другое, когда и не желал быть вождем многочисленного народа Израильского и, вопреки своему желанию, повиновался повелению Божию. Если бы он принял бестрепетно и с самонадеянностью это посольство, то его упрекнули бы, может быть, в гордости; но он не избежал бы подобного упрека, если бы воспротивился назначению Божию своим неповиновением. И в том и в другом отношении являя смирение и благопокорливость¹⁹, он таким образом и отказывался от начальственного управления народом Божиим, соображая свои недостатки, и принял возлагаемое на него поручение, полагаясь на всеильную помощь Того, Кто его призывал. Из всего этого да познают и уразумеют те, которые опрометчиво стремятся к занятию высоких должностей, до какой степени предосудительно и неизвинительно домогаться предпочтения пред другими, без всякого опасения и страха, когда и святые мужи боялись и трепетали принимать начальство над народом, имея даже на то повеление Божие. Моисей, призываемый Богом, страшится, а какой-нибудь немощный брат наш только о том и думает, как бы предвосхитить тяжелое бремя власти! Всегда готовый пасть под тяжестью и собственных грехов, он еще подклоняет охотно

¹⁸ Олтарь – жертвенник (см.: Исх. 20, 24). Слово «олтарь» в Священном Писании употребляется и о воздвигаемых памятниках в память замечательных событий, и о нарочито устрояемых жертвенниках для возношения жертв. – *Ред.*

¹⁹ Благопокорливый (церковнослав.) – охотно слушающий, послушный, – *Ред.*

выю для принятия чужих! Не в силах он вынести и того, что на нем лежит, а он еще увеличивает свою ношу!

Глава 8

О тех, которые домогаются начальственной власти и в оправдание своего прихотливого стремления ссылаются и опираются на слова апостола (см.: 1 Тим. 3, 1).

Многие, домогающиеся начальственной власти, в оправдание своего прихотливого стремления прибегают к словам апостола, который говорит: *еще кто епископства хочет, добра дела желает* (1 Тим. 3,1), думая найти в них для себя опору. Но апостол, похвалив это желание, тотчас же представляет и опасную его сторону, присовокупляя вслед за тем к своим словам и следующие: *Подобаеубо²⁰ епископу быти непорочну* (1 Тим. 3, 2). А далее он показывает, в чем именно состоит эта непорочность, последовательно перечисляя одно за другим необходимые для пастырей и вообще священнослужителей совершенства (см.: Тим. 3,1-12; Тит. 1, 1-9). Таким образом, апостол и одобряет желание епископства, и устрашает желающих его необходимыми для сего требованиями. Он как бы так говорит: я хвалю ваше желание, но наперед узнайте то, чего вы желаете; иначе, если вы пренебрежете самоиспытанием, то тем постыднее будет для вас укоризненность вашего недостойнства, чем поспешнее взойдете вы на высоту духовных почестей, открытую для взора всех. Как весьма опытный в деле духовного управления, апостол одобрением своим побуждает нас стремиться к этому высокому служению, а изображением трудностей оно же обуздывает в нас всякую поспешность и опрометчивость. Мысль о том, как непорочна должна быть жизнь епископа, имеет целью у апостола предохранить всех и каждого от гордости и самонадеянности; а тем, что похвалит желание этого звания, столь непорочного, он хочет усилить любовь и расположенность к добродетели вообще. Впрочем, нужно заметить, что апостол говорил так в то еще время, когда каждый представитель Церкви своей первый делался жертвой мучителей. Значит, тогда похвально было желать епископства и потому уже, что с ним соединялась и явная опасность подвергнуться тяжчайшим страданиям. Имея это в виду, апостол и самую должность епископскую почтил названием доброго дела, сказав: *еще кто епископства хочет, добра дела желает*. Таким образом, всякий по себе может судить беспристрастно, имеет ли его желание епископствовать какое-нибудь отношение к истинному епископству, если он смотрит на это звание не как на служение добродетели, а только как на средство к достижению почестей и славы. Епископское служение есть служение священное; но этой святости его не только не любит, но и вовсе не понимает тот, кто, мечтая только о высоте сана, восхищается втайне мыслью, как другие будут пред ним преклоняться, возвеличивает себя собственными похвалами, дышит одним честолюбием и в восторге от преизбытка всяких прибытков наперед помышляет не о тяжести предстоящих трудов, а о неге и роскоши среди изобилия благ земных. Он ищет мирских выгод в том звании, которое обязано искоренять в людях всякое пристрастие к ним.

Понятно, что такой человек, избирающий самое смиренное служение средством к удовлетворению своей гордости и своим личным видам, внутри будет не то, чем будет казаться извне: из него может выйти не пастырь овец Христовых, а *тать и разбойник, не дверьми входяй во двор овчий, но прелазя инуде*, который под покровом пастырской одежды, подобно волку, *расхитит и распудит* стадо Христово (ср.: Ин. 10, 1-6, 12).

²⁰ Убо (церковнослав.) – итак, Впрочем, следовательно; поистине, подлинно. – *Ред.*

Глава 9

О том, что ищущие власти очень часто обольщают себя воображаемым предположением, что они на занимаемом ими высоком месте служения произведут много хороших дел.

Но часто и очень часто ищущие пастырской власти и начальственного управления в Церкви Божией ищут этого служения потому, что предполагают совершить на этом высоком поприще какие-либо важные и полезные для нее дела; и хотя они ищут этого собственно из желания возвыситься, но успокаивают себя тем, что вот-де они много сделают пользы и для Церкви. Таким образом, суетное, но главное намерение их прикрывается благовидным рассуждением о целях второстепенных, чтобы только успокоить себя. Ибо душа наша легко может обмануться и вообразить себе, что она любит добрые дела, которые не всегда любит, и что она не любит мирской славы, которую между тем не перестает любить. В таком состоянии человек, домогающийся власти, бывает робок, пока еще стремится к ней, а когда достигает желаемого, тогда становится он дерзновенным. Сперва робость его происходит в нем от опасения неудачи, но после того, как он достигает своей цели, в нем тотчас рождается уверенность, что так и должно быть и что он имел на то полное право. Наконец, по достижении им власти, пользуясь и злоупотребляя ею для удовлетворения суетным желаниям своим, он охотно уже забывает свои благочестивые и богобоязненные предположения (*quidquid religiose cogitavit*). Поэтому, когда душа увлекается слишком смелыми и необычайными предприятиями, необходимо в то же время обратить взор на прошедшие дела свои: пусть каждый в подобном состоянии поразмыслит о том, как он поступал прежде, находясь в подчинении (*subjectus*), тогда только узнает, способен ли он на те добрые дела, которые предполагает совершить на высоком посту начальственного служения (*praelatus*). Ибо никогда не научится смирению на высоте почестей тот, кто и в низком состоянии не переставал гордиться. Не сумеет он избегать похвал, когда они посыплются ему со всех сторон, если он жаден был к ним и тогда, когда их вовсе не было. Никогда не победит он в себе любостяжания²¹, имея в руках свои способы для поддержания многих, если он и прежде один не умел довольствоваться своим состоянием. Итак, пусть каждый рассматривает прежнюю жизнь свою, дабы в стремлении к высокому сану не обольститься ложными мечтами. Среди многочисленных и многообразных забот пастырского служения, особенно по управлению, человек иногда утрачивает и тот навык к добрым делам, который легко сохранялся у него в тихой частной жизни. Так и на море в тихую погоду и малосведущий корабельщик может хорошо править кораблем; но когда поднимется буря и разъярятся волны, то и самый искусный кормчий может растеряться. А что такое в самом деле высокая власть управления, как не мысленная буря? В ней корабль души нашей постоянно потрясается бурными волнами разных помышлений, непрестанно ударяется то в ту, то в другую сторону, так что ежеминутно грозит ему опасность разбиться и погибнуть от каких-нибудь необдуманных речей языка или поступков дела, подобно тому как на море гибнут от попадающихся на пути непредусмотренных подводных камней. Между тем какому же правилу следовать и какого начала держаться нам в настоящем деле, как не последовать тому, чтобы на высоту пастырского служения волей-неволей восходил тот лишь только, кто богат совершенствами добродетелей, а кто не обладает потребными для сего качествами, тот и не принимался бы за это высокое служение, хотя бы его к тому и принуждали? И потому, кто наделен благодатными дарами, но совершенно отказывается от своего призвания, тот пусть блюдет, чтобы ему не подпасть осуждению за сокрытие своего таланта в земле: ибо оставить в бездействии и

²¹ Любостяжание (церковнослав.) – алчность, корыстолюбие. – *Ред.*

праздности дарования, полученные от Господа, есть то же самое, что закопать талант в землю (см.: Мф. 25,15–30). Атот, кто не только не имеет хороших способностей для управления, но и подвержен слабостям, между тем, несмотря на это, домогается власти, пусть не забывает того, что он своим соблазнительным примером может послужить для ближних только препятствием в достижении Царства Небесного, подобно фарисеям, которые, по словам Божественного Учителя, и сами не входят в него, и другим заграждают доступ (см.: Мф. 23,13). Равным образом надлежит ему помнить и то, что пастырь духовный, принимающий на себя пастырское служение в Церкви Божией, есть вместе и врач душевных недугов. Следовательно, если он и сам одержим таковыми недугами и страдает от них, то как дерзнет он врачевать язвы других, нося язвы сам на лице своем?

Глава 10

Кто может и должен приступать к пастырскому служению и принимать на себя в оном начальственное управление.

Итак, всемерно должно стараться, чтобы на степени пастырей и пастыреначальников поставляемы были в образец жизни для пасомых и подчиненных только такие мужи, которые, умерши для всех плотских страстей, живут уже духом, которые отложили всякое попечение о мирских благах, которые не страшатся никаких бедствий, которые помышляют только о благах внутренних. Вполне соответствуя благочестивым намерениям и стремлениям таковых людей, им не противоречит уже ни тело их под предлогом немощи, ни дух их под предлогом оскорбления. Они не посягают на чужое добро; напротив, они охотно раздают свое собственное. Они всегда готовы от чистого сердца и сострадательной любви извинять и прощать ближнего, не снисходя, впрочем, преступлениям его до слабости, но соблюдая законы правосудия. Они ничего не позволяют себе противозаконного, а противозаконные действия других оплакивают, как свои собственные грехи. Они искренне соболезнуют чужому несчастью, благосостоянию же ближнего так радуются, как бы оно составляло их собственное благо. Во всем, что ни делают они, являют себя пред другими достойным подражания примером, внушая к себе во всех такое уважение, что никто не может упрекнуть их в жизни ничем, за что бы они должны пред ними краснеть. Они стараются жить так, чтобы и самые черствые и закоренелые души ближних могли размягчаться и умиляться исходящим из уст их благодатным учением, оправдываемым ими на самом деле. Они, как опытные в молитве, из прежних примеров жизни познали уже, чего могут просить и чего не должны просить, и потому могут получить от Господа все, чего бы они ни попросили; им-то, как бы в особенности, и слышится этот отрадный глас Божий: *и еще глаголющу ти, реку: се, приидох* (ср.: Ис. 58, 9; 65, 24). Таковы именно должны быть пастыри и пастыреначальники! Ибо когда и к нам кто приходит с просьбой ходатайствовать за него пред тем или другим начальником, который на него разгневался и недоволен, но нам не знаком коротко, то мы тотчас отвечаем ему: «Нет, любезный, нельзя нам ходатайствовать за тебя пред этим господином, потому что мы и сами не пользуемся его особенным благоволением». Если же, таким образом, и человек пред человеком, на которого мало надеется, не отваживается быть ходатаем за кого бы то ни было, то как дерзнет брать на себя ходатайство пред Богом за грехи народа тот, кто не знает и не уверен, заслужил ли он жизнью своей благоволение Божие к себе самому? Или как он будет просить у Него прощения и помилования для других, если не надеется получить от Него прощения и помилования самому себе? Тут надобно опасаться, чтобы вместо предполагаемого умилоствления не подвигнуть Господа на больший гнев из-за своих грехов; ибо все мы хорошо знаем, что когда и пред людьми берется ходатайствовать такое лицо, которое им не нравится, то гнев их чрез то лишь больше усиливается. Итак, кто еще не отрешился совершенно от земных страстей, тот пусть остерегается принимать на себя звание посредника или ходатая в Церкви Божией; иначе он своим предстательством может больше и больше возбудить гнев и раздражить Верховного Судию на занимаемом им месте и вместо примирения с Божественным Правосудием может повергнуть паству свою в совершенное разорение.

Глава 11

Кто не должен приступать к пастырскому служению, а тем более принимать на себя начальственное в оном управление.

Рассмотри же беспристрастно каждый, приступающий к пастырскому служению, а тем более принимающий на себя начальственное в оном управление, нет ли в тебе каких-либо предосудительных недостатков и даже пороков, избличающих твою нечистоту и греховность; ибо, повторяю, тому нельзя даже помышлять о ходатайстве за грехи других, кто не очистился от своих собственных. Посему-то и Моисею дано было свыше такое повеление: *рицы ко Аарону, глаголя: человек от рода твоего в родех ваших, аще коему будет на нем порок, да не приступит приносить даров Божиих и ко олтарю да не приблизится, яко порок имать*; и вслед за тем подробно исчисляет самые недостатки или пороки, которые не допускались лично в жрецах, именно: *человек слеп или хром, или корпосый... или человек, ему же есть сокрушение руки или сокрушение ноги, или горбат, или гноеточив очима, или бельмоочен, или человек, на немже суть красты дивия*²², *или лишай, или единойатрный*²³ (Лев. 21, 17, 23, 18–20). Слеп же в духовном смысле есть тот, кому не знаком свет высшего созерцания, кто, подавляемый мраком настоящей жизни, хотя и видит озаряющий его свет, но, не любя его, не знает, куда направить свою деятельность. Поэтому Анна, мать Самуила, посвящая первенца своего Господу, в пророческом духе воскликнула: «Стопы праведников Своих оправдает Он, а нечестивые умолкнут во мраке и неведении» (см.: 1 Цар. 2, 9). Хром тот, кто хотя и знает, куда должно стремиться, но по нетвердости ума и воли не может всегда держаться прямого пути, который видит; потому что доколе переменчивость нравов и обычаев не возвысится до того, чтобы утвердиться в постоянстве к добродетели, доколе стопы наши не могут постоянно следовать за добрым желанием. Имея это в виду, и апостол Павел говорит: *ослабленный руки и ослабленная колена исправите и стези правы сотворите ногами вашими, да не хромое совратится, но паче да изцелеет* (Евр. 12, 12–13). Корносый можно назвать того, кто не способен и не умеет хорошо различать добро от зла, так как и телесным органом обоняния мы различаем благовоние от зловония тогда только, когда этот орган не поврежден у нас. Посему-то в «Песни песней» в похвалу невесты – Церкви Христовой – говорится: *нос твой яко столп Ливанский* (Песн. 7, 4); потому что она издали видит грядущие на нее искушения и наперед знает, как бы чутьем, от каких именно обстоятельств грозит ей опасность. Сюда же можно отнести и тех, которые, не желая казаться тупоумными, по своей гордости нередко вдаются в излишние и ненужные исследования, силы их превышающие, и от того самого впадают в погрешности. Таковая неумеренная, так сказать, щепетильность (*subtilitas immoderata*) в распознавании истины от лжи и добра от зла чем более усиливается, тем более удаляет от истинного и прямого пути и приводит в замешательство всю деятельность. Под именем человека, имеющего *сокрушение в руках или ногах*, конечно, разумеется тот, кто вовсе не в состоянии шествовать по пути Божию и совершенно не способен к добрым делам; даже и так не может держаться, как держится хромой, который, хотя нетвердо и с уклонениями, все-таки движется и стремится вперед, а этот чужд всякого преуспевания в усовершеннении себя. Именем *горбатого* назовем того, кто согнулся под тяжестью земных забот до такой степени, что уже не может возвести взора своего в горнее, а постоянно устремляет его на те только предметы, которые попираются его же ногами. Такой человек хотя иногда и слышит что-нибудь благое о небесном отечестве, но, подавляемый бременем превратных навыков, не возносится сердцем своим к небу, потому что не в силах изменить образа своих мыслей, кото-

²² Краста дивия (церковнослав.) – злокачественная чесотка, сыпь на коже (см.: Втор. 28, 27). – *Ред.*

²³ Единойатрный (церковнослав.) – имеющий одно яйцо (см.: Лев. 21, 20). – *Ред.*

рым житейская суета дала жалкое направление. В уста таковых псалмопевец влагает постоянное какое-то сетование: *Пострадах и слякохся*, – говорит он от лица их, – *весь день сетуя хождах*²⁴ (Пс. 37, 7; ср.: 41, 10); а Сама Истина произносит над ними суд в следующих словах: *а еже в тернии падшее* (семья), *сии суть слышавший* (слово), *и от печали и богатства и сластями житейскими ходяще подавляются, и не совершают плода* (Лк. 8, 14). Под имеющим *гнойные глаза* разумеется тот, у кого ум хотя и порывается к познанию истины, но скоро помрачается плотскими делами. Известно, что у *гноеточивых очами* зрачки глазные бывают здоровы, но от часто истекающей мокроты ослабевают и притупляются, и самые веки (ресницы) отяжелевают и слипаются. Нечто подобное бывает и в духовном отношении с теми людьми, у которых добрые чувства духовные погибают от плотской нечистоты, которые могли бы постигать умом своим всякую правду, но нечистыми делами доводят себя до совершенного омрачения.

Итак, гноеточивый есть тот, у кого доброе чувство остро от природы, но испорчено дурным поведением. Такому-то человеку Господь чрез Ангела подает благой совет: *коллурием*²⁵ *помажи очи твои, да видиши* (Откр. 3, 18), то есть уврачуй свой ум добродетельной жизнью, чтобы тебе лучше узреть и познать духовный свет истинный, подобно тому как коллурием мажут глаза, чтобы лучше видеть свет вещественный. Название *бельмоочного* указывает на того, кому гордость и самообольщение от мнимой мудрости и праведности препятствуют видеть свет истины. У кого нет бельма на глазу, тот легко заметит и черные пятна, а бельмоочный ничего подобного не видит. Так и в духовном смысле: хорошо видит и знает себя тот, кто постиг, что он и буй²⁶, и грешник; а кто приписывает себе небывалый блеск праведности или мудрости, тот далек от надлежащего познания себя и тем более удаляется от истинного света, чем более о себе мечтает, как и замечено о некоторых в Писании: *Глаголющесе быти мудри, обьяорудѣша* (Рим. 1, 22). Человек, у которого обнаруживаются на теле *красты дивия*, это, без сомнения, тот, кем всецело овладевают и кто рабски выполняет всякие прихоти плоти; ибо как у человека, имеющего их, вся внутренняя порча выходит наружу, так и у плотоугодника: едва только почувствует он малейшее искушение в сердце, тотчас оно и приводится в действие, не встречая у него для обнаружения своего никакого обуздания в мысли. Поэтому апостол Павел, как бы предостерегая от сего, говорил к коринфянам: *Искушение вас не достигже, точию человеческое* (1 Кор. 10, 13), – как бы так говорил: человеку свойственно испытывать искушение в сердце, но поддаваться искушению и предаваться ему, не выдерживая борьбы, свойственно только диаволу. А у кого тело покрыто *лишайми*, это человек любостяжательный; и как лишай (парши), если не истребить их в самом зародыше, умножаясь без меры, покрывают собой все тело и безобразят его, хотя подвергающийся им не ощущает при этом никакой боли, так и любостяжание искажает красоту души, хотя предающиеся ему в то же время даже улаждаются, соображая одну прибыль за другую и восхищаясь ими. И как от этого телесного недуга могут испортиться все члены, так и от порока любостяжания могут погибнуть все душевные добродетели, и весь состав человека изуродуется, и в душе его прорастут все роды грехов, как свидетельствует о том апостол Павел: *корень бо всем злым сребролюбие есть* (1 Тим. 6, 10). Наконец, под именем *единоятрного* разумеется тот, кто на самом деле не совершает срамных и постыдных дел плотоугодия (по неспособности своей), но тем необузданнее соуслаждается нечестивыми помыслами и противоестественными действиями в похотях своих. Этот порок главным образом состоит в том, когда насильно вызываемые внутренние соки устремляются к половым органам, которые от того, конечно, вздуваются и отяжелевают с постыдной болью и беспокойством. И таких-то людей, по свидетельству апостола, Бог предаёт *в похотех сердец*

²⁴ Я согбен и совсем поник, весь день сетуя хожу – *Ред.*

²⁵ Коллүрий (греч.) – глазное лекарство, мазь или примочка. – *Ред.*

²⁶ Буй (церковнослав.) – глупый, несмышленный; дерзкий. – *Ред.*

их в нечистоту, во еже скверниться телесем их в себе самех (Рим. 1, 24). Истаявая²⁷ всем помышлением своим от похотливого сладострастия, они *естественную подобу* (употребление) *женска пола*, оказываясь к тому малоспособными, *изменяют в противоестественную* (ср.: Рим. 1, 26–27), и чрез то самое от крайнего и беззаконного истощания сил своих становятся к правильному и законному употреблению их вовсе не способными, предаваясь *в неискусен ум, творити неподобная* (Рим. 1, 28). Итак, кто одержим какими-либо из перечисленных нами душевных недугов, тот пусть не дерзает приносить дары Богу и да не приступает к алтарю: ибо не может очищать чужих грехов тот, кто не очистился от своих собственных.

Показав в кратком очерке, что значит достойно приступать к пастырскому служению и как опасно домогаться его недостойным, рассмотрим теперь, какова должна быть жизнь того, кто достойно вступает в сие служение.

²⁷ Истаявати (церковнослав.) – плавить, растоплять; изнувать, томить; расплавляться; изнемогать, умирать. – Ред.

Часть вторая

О том, какова должна быть жизнь пастыря, достойно вступающего в пастырское служение

Глава 1

Достигающие законно пастырского служения каковыми должны являть себя по управлению в этом звании.

Пастыри, тем более пастыреначальники, как предстоятели и представители паств своих в Церкви Божией настолько должны превосходить своей жизнью пасомых своих, насколько звание пастыря выше звания пасомого ими стада. Поэтому пусть они внимательно взвешивают и соображают все обязанности пастырского служения, возлагаемые на них в отношении к пасомым, которые по отношению к ним называются стадом. Всякому пастырю духовному как руководителю словесного стада Христова надлежит быть чистым в своих помыслах и служить лучшим примером в своих действиях; быть разборчивым и в молчании, и в словах; на нем лежит долг сочувствовать в сострадании каждому более других и более всех погружаться в уединенное созерцание; быть ласковым в обращении с благонравными и стойким ревнителем правды пред порочными; не забывать внутренних нужд паствы среди забот о делах внешних, ни внешних дел не оставлять в заботливости о внутренних; и тому подобное. Но об этом, что мы наметили только слегка коснувшись, нужно нам размыслить поглубже.

Глава 2

Пастырь духовный как руководитель своей паствы должен быть чист в помыслах своих.

Пастырь, правящий духовным стадом Христовым, обязан быть всегда чист даже и в мыслях своих. Ибо никакая греховная нечистота не должна осквернять того, кто принял на себя обязанность очищать и врачевать души подобных себе существ, точно так же как рука, которой омывают нечистоты плотские, необходимо должна быть сама чиста, дабы от нечистоты ее не осквернить очищаемого еще более чрез соприкосновение. Посему-то Господь говорит чрез пророка: *очиститесь, носящи сосуды Господни* (ср.: Ис. 52, 11). Сосуды же Господни носят те, которые восприимлют на свою ответственность души человеческие и должны представить их в вечное святилище. Пусть же они, возносящие на себе, под своей ответственностью, в храм вечности сосуды живые, – пусть размышлят, какая чистота требуется от них самих. Для того и Аарону повелено было Богом чрез Моисея возлагать при облачении на перси свои во время священнодействия *слово судное* и носить *суды сынов Израилевых на персех... всегда* (Исх. 28, 30) во свидетельство того, что душа священнослужителя никогда не должна быть занята суетными помыслами, но должна быть престолом слова и разума и что, поставленный в пример другим, по самому положению своему всегда и пред всеми он должен заявлять, как разумны и возвышенны внутренние его помышления и чувства. Не без причины присоединено было к тому и начертание имен двенадцати патриархов: носить всегда на персях имена отцов – значит непрестанно размышлять о жизни предков. Ибо священнослужитель тогда только может проходить свое служение непреткновенно, когда непрестанно имеет пред глазами своими примеры предшествовавших отцов, когда неуклонно взирает на их благочестие²⁸, последуя их стопам, и таким образом подавляет в себе греховные помыслы, чтобы не нарушить своих обязанностей и не выступить ни на шаг за пределы, отделяющие его звание от других. Не напрасно это *слово* и названо *судным*, потому что пастырь как правящий руководитель в своей пастве должен быть столько же рассудителен, сколько и умен, чтобы всегда мог полагать различие с отчетливостью между добром и злом, внимательно обсуживать, что, чему, когда и в какой мере благоприлично или неблагоприлично, не искать *своих си*²⁹ (1 Кор. 10, 24; Флп. 2, 21), а более заботиться и пещись о благе ближних. Поэтому и прибавлены там же следующие слова: *И да возложииши на слово судное явление и истину* (урим и туммим)³⁰: *и да будет на персех Аарону, егда внидет во святое пред Господа: и да носит он суды сынов Израилевых на персех... всегда* (Исх. 28, 30). Этим постоянным ношением суда сынов человеческих на груди своей выражается то, что пастыри, а тем более пастыреначальники как священнослужители, к коим относятся эти слова, должны разбирать дела им подчиненных не иначе как в виду внутреннего судии своего, так, чтобы к тем приговорам, которые произносят они от лица Божия, ничего не примешивалось человеческого из-за какого-нибудь личного пристрастия. Ревнуя же против чужих пороков, они не должны забывать и своих; так же должны быть строги и к себе, как и к другим: иначе или безотчетная ненависть, или опрометчивый гнев могут подорвать в них то спокойствие и ту прямоту, которые так необходимы для судии. Пусть же они исполняются страха к Тому Верховному Судии, Который превыше всего и всё видит, пусть следуют неуклонно внутреннему

²⁸ Благочестивати (церковнослав.) – благоговеть, иметь благочестивые чувствования. – *Ред.*

²⁹ не искать своего – *Ред.*

³⁰ Урим и туммим (букв.: свет и совершенство) – двенадцать драгоценных камней на нагруднике первосвященника с именами двенадцати колен Израильских; принадлежности первосвященнической одежды, ефуда (см.: Лев. 8, 8); имели то особенное значение, что первосвященник в этой одежде с уримом и туммимом получал от Бога откровение в случаях важного недоумения по какому-либо вопросу (см.: 1 Цар. 23, 9-12; 30, 7-8). – *Ред.*

судии своему, который у нас есть живой отголосок Того Судии; тогда не без трепета будут управлять подчиненными: ибо этот страх так смирит и очистит их, что они не будут уже ни надмеваться³¹ духом, ни растлеваться плотью, ни омрачаться пристрастием к стяжанию благ тленных и скоропреходящих. Подобные слабости, конечно, не могут не приражаться и к их душам; но они должны тотчас же препобеждать³² эти поползновения непрестанной борьбой, чтобы искушающий порок, усладив их на минуту своими чарами, вслед за тем не восторжествовал над ними и не убил вконец.

³¹ Дмѣние (церковнослав) – надменность, гордость, напыщенность. – *Ред.*

³² Препобежда́ти (церковнослав.) – то же, что побеждать, одерживать победу над кем-либо. – *Ред.*

Глава 3

Пастырь духовный как руководитель своей паствы должен служить для нее образцом в своих действиях.

Пастырь, правящий духовным стадом Христовым, должен быть для него передовым примером во всех делах своих, так чтобы он самой жизнью своей указывал пасомым путь жизни, а словесное стадо его, следуя гласу и делам своего пастыря, поучалось и усовершенствовалось более из примера, нежели из слов его. Ибо если высота занимаемого им места вызывает на соответственную возвышенность слова, то та же высота требует от него и высоких подвигов. Притом и самая проповедь устная удобнее и вернее проникает в сердца слушателей, когда слова проповедника подтверждаются его примерной жизнью: словом он только убеждает и побуждает к делу, а примером как бы помогает и участвует в деле. *На гору высокую взыди, благовествуя Сиону*, – говорит Господь чрез пророка (Пс. 40, 9), внушая сим, что проповедующий о небесном должен возвыситься над уровнем дел земных и как бы стать на самом видном месте, чтобы тем удобнее можно было ему привлечь слушателей своих к себе и возводить их к совершенству, чем громче будет раздаваться сверху голос его святой жизни. Поэтому и в древнем Божественном законе жрецу при жертвоприношении отделялось правое плечо (*рамо десное* — см.: Исх. 29, 22–27; Лев. 8, 25–30) в знак того, что дела его должны быть не только полезны и спасительны вообще, но и отличаться особенностью, чтобы правотой их не только выдавался он среди порочных, но и добродетельных в пастве своей превосходил сколько важностью своего сана, столько и чистотой нравов. Вместе с правым плечом отделяли для него же еще грудь, и этим как бы повелевалось ему жертвовать Богу от себя тем же самым, что брал он от жертвы. Таким образом, пастырь не только должен носить правые помыслы в сердце своем, но и делами своими, как бы мышцей крепкой, призывать и привлекать всякого, кто взирает на него, к высшему и высшему совершенству, не иметь пристрастия к благам временной жизни и не страшиться бедствий, презирать все прелести мира сего ради внутреннего страха Божия, а все страхи мирские ни во что вменять ради того душевного усаждения, которое ниспосылается свыше. И если затем, по повелению Божию, оба плеча (*рамена*) жреца, и правое и левое, прикрывались *нарамником* (Исх. 28, 7, 25, 27, 29; 29, 5), то и сим не то ли внушалось ему, чтобы он, украшаясь добродетелями, в то же время недремленно ограждался ими против искушений и счастья, и несчастья? Ибо и по слову апостола Павла, кто облачен *в оружия правды десными и щирми* (2 Кор. 6, 7; см.: Еф. 6, 11–17), тот, простираясь в предняя и горняя, никогда не падет пред соблазнами мирской юдоли. Ни счастье не сделает его надменным, ни несчастье не поколеблет; не обольстят его удовольствия и бедствия не доведут до отчаяния; ничто для него не страшно; никакие страдания не уничтожат и не сокрушат его, ни самые благоприятные обстоятельства не усыпят его: он жизнью своей открыто заявляет миру, что мышцы (*рамена*) его непобедимы под щитом той ризы, которой он прикрывается. И эту ризу верхнюю (*нарамник*), которой поверх своего облачения прикрывался жрец, повелевалось *ткать из злата чиста и синеты и багрянницы и червленницы... и виссона* (Исх. 28, 8), чем выражалось то, каким разнообразием добродетелей должен сиять и отличаться пастырь духовный. И прежде всего в состав этой ризы входило *злато*, в знамение того, что пастырь в особенности должен просиявать и озарять других светом разума и мудрости; потом – *синета*, которая небесным цветом своим внушала пастырю, чтобы целью всех познаний и действий его была не земная слава, а небесная, потому что, гоняясь за людскими почестями, он может уклониться от истины Божественной; далее – *багрянница*, как принадлежность царского облачения, чтобы пастырь, проповедуя другим о почестях высшего звания, в то же время зорко следил и за своими недостатками, чтобы искоренял и преследовал с царской властью и в себе, и в других всякую низость пороков и

душевных, и телесных, взирая непрестанно на высоту духовного возрождения своего и святостью жизни своей здесь – на земле – приуготовляя и себе, и другим жилище там – на небе, в Царствии Божиим. О сем-то высоком призвании и Дух Божий говорит чрез апостола Петра: *вы... род избран, царское священство, язык свят, люди обновления, яко да добродетели возвестите из тмы вас призвавшего в чудный Свой свет* (1 Пет. 2, 9); о сей-то власти, торжествующей над всеми пороками, проповедует и Иоанн-евангелист: *Елицы³³ же прияша Его, даде им область чадом Божиим быти* (Ин. 1, 12); о сей-то силе и твердости и псалмопевец размышляет, когда говорит: *Мне же зело честни быта друзи твои, Боже, зело утвердишася владычества их* (Пс. 138, 17): ибо святые Божии духом витают в горнем пренебесном мире даже и тогда, когда они в здешнем, дольном, мире борются с претерпеваемыми ими страданиями. К *золоту, синете и багрянице* присовокупляется еще следующая принадлежность этой ризы, именно: *червленица пряденая* (*coccus bis tinctus* – темно-красная двойная материя, в которой самая пряжа в нитках и в ткани окрашивается); а этим указывалось на то, что пред очами внутреннего судии все добрые дела пастыря должны приукрашаться такой любовью, чтобы все в нем, что ни делается с любовью для людей, одушевлялось любовью и к Богу как Верховному Судии и Источнику всякой любви, и наоборот. И таковая-то любовь, как объемлющая собой и любовь к Богу, и любовь к ближнему, слагается как бы из двойной ткани (*ex duplici tinctura*). Поэтому, кто дышит любовью к Богу такой, что забывает и не радит о ближних или же до того заботится о ближних, что делается равнодушным в любви к Богу, тот тем самым, что не соблюдает обязанностей своих или в отношении к той, или в отношении к другой любви, дает разуметь о себе, что в украшении верхней его ризы (*нарамника*) недостает у него *пряденой червленицы* (*in superhumeralis ornamento habere coccum bis tinctum nescit*). Но, чтобы любовь была совершенна и в деятельности ума, и в деятельности воли, необходимо, чтобы и плоть была умерщвляема воздержанием. Поэтому к *червленице пряденой* присоединяется наконец и *виссон сканый* (*byssus torta*, вроде узорчатого кружева из самого тонкого льна), который, получая начало свое от земли, отличался особенной белизной и чистотой и много скрашивал собой эту верхнюю ризу священную. Что же этой принадлежностью ее обозначалось, как не то, что облачающийся в нее долженствовал соблюдать неукоризненно и телесную чистоту и непорочность? Ибо умерщвлением плоти чрез воздержание пастырь духовный приобретает самое лучшее украшение для души своей – нравственную чистоту, или целомудрие, потому что целомудрие есть прямое следствие воздержания. Вот почему между разными принадлежностями этой верхней ризы священной, называвшейся *нарамником*, который надевался поверх всего облачения, красовался в заключение и *виссон*, знаменующий собой то, что между разными добродетелями пастырскими много споспешествует пастырю и умерщвление плоти.

³³ Елицы (церковнослав.) – которые. – Ред.

Глава 4

Пастырь духовный как руководитель своей паствы должен быть разборчив и в молчании, и в словах.

Пастырю, правящему духовным стадом Христовым, надлежит быть разборчивым и в молчании и в словах, чтобы не говорить о том, о чем следует молчать, и не молчать о том, о чем следует говорить. Ибо как необдуманная речь может вводить слушателей в заблуждение, так и неуместное молчание может оставлять их тоже в заблуждении; тогда как и в том, и в другом случае, при благоразумной разборчивости руководящего пастыря, они могли бы избавиться от этого. А между тем часто случается, что неблагоприятные и непредусмотрительные пастыри из опасения потерять благоволение у своих пасомых боятся и не решаются свободно высказывать истину; но это уже не *пастыри добрые*, которые *душу свою* полагают за *овцы*, по словам Самой Истины, а *наемники*, которые как бы *бегают* при виде *волка грядуща*, когда укрываются под предлогом молчания (ср.: Ин. 10, 11–13). О них-то с упреком говорит Господь чрез пророка: *пси немии не возмогут, лаяти* (Пс. 56, 10); и в другом месте: *Не стаиша на тверди и собрата стада к дому Израилеву: не востаиша глаголющий в день Господень* (Иез. 13, 5). *Стоять же на тверди* — значит свободно и бестрепетно защищать духовное стадо от всяких нападений и притеснений сильных мира сего, и *восставать с глаголом в день Господень* — вести борьбу из любви к правде со всяким грешником, кто бы он ни был, несмотря ни на какие со стороны его сопротивления и противодействия. А бояться высказывать правду из-за чего бы то ни было и прикрываться молчанием — не то же ли для пастыря, что для военачальника обратиться в бегство с поля битвы без всякой борьбы? Если же пастырь за стадо свое стоит грудью, тогда он ставит врагу преграду и есть оплот стаду дома Израилева. О таких-то недостойных пастырях говорится и у пророка Иеремии, когда он оплакивает бедственное состояние народа Израильского в плену: *Пророцы твои видеша тебе суетная и безумие и не открыта о неправде твоей, еже возвратити пленение твое* (ut te ad poenitentiam provocarent — чтобы обратить тебя на путь покаяния) (Плач. 2, 14); *Священницы не рекоша: где есть Господь?.. И пастырие нечестоваша на Мя, и пророцы пророчествоваша в Ваала и идолом последоваша* (Иер. 2, 8). Пророками же называют иногда в Священном Писании и учителей, у которых все пророчество ограничивается тем, что они, показывая тленность настоящего, внушают надежду на будущее. Слово Божие упрекает их за потворство суетности народа, которую они ясно видят, но не хотят или боятся указать на нее самим грешникам, усыпляя только их совесть своим ласкательством. Они не решаются быть обличителями своих подчиненных, чтобы тут же не обличить и самих себя, тогда как пастырское обличение служит самым действенным средством для вразумления и исправления даже закоренелых грешников: ибо, слушая благоразумные обличения своего отца духовного, со властью пастырской их обличающего, они с сокрушением сердца и раскаянием сознаются в своих грехах, нередко и таких даже, которые для них самих были тайной. Вот почему апостол Павел требует от пастыря духовного, чтобы он *силен был и утешати во здравем учении и противящихся обличати* (Тит. 1, 9). Поэтому и у Малахии-пророка говорит Господь: *устне иереевы сохраняют разум, и закона възыщут от уст его: яко Ангел Господа Вседержителя есть*³⁴ (Мал. 2, 7); и чрез Исаию заповедует пастырям: *Возопий крепостию и не пощади: яко трубу возвыси глас твой и возвести людем Моим грехи их*³⁵ (Пс. 58, 1). И действительно, всякий, кто вступает в пастырское служение, принимает на себя обязанность быть духовным глашатаем и выступать пред народом с громогласной трубой, чтобы приготовить его

³⁴ уста священника должны хранить ведение, и закона ищут от уст его, потому что он вестник Господа Саваофа — Ред.

³⁵ Взывай громко, не удерживайся; возвысь голос твой, подобно трубе, и укажи народу Моему на беззакония его — Ред.

к сретению³⁶ Верховного Судии в день Страшного Суда. Но если пастырь не силен словом и пред паствой своей остается безгласен, то какой из него, немолчающего, может быть глашатай и провозвестник славы Божией? Для сего-то и на первых наших пастырей христианских (апостолов) сошел Дух Святый в виде *огненных языков*, и как только *исполнились опит Духа*, тотчас стали *проповедовать* (Деян. 2,2–4). И в древнем законе Моисеевом предписывалось, чтобы к ризам первосвященника, когда надлежало ему входить во святилище, привешивались *звонцы* (Исх. 28, 33), тоже для того, чтобы непрестанно разносился от него глас благовестил, да не оскорбит совершенным безмолвием своим присутствующего там Господа, как за тем сказано: *да будет Аарону, егда служит, слышан глас его, входящу во святое пред Господа, и исходящу, да не умрет* (Исх. 28, 35). Ибо жрец Божий, входящий или исходящий, если не слышно от него гласа, мертв уже становится, потому что он возбуждает против себя гнев Судии Небесного, появляясь без гласа благовестил. Таким образом, самое соединение звонцов с одеждой первосвященника и вообще жрецов (см.: Исх. 28, 1,41,43) служит для нас назидательным уроком, выражающим собой то, что на облачения священнослужителей должны мы смотреть как на вывеску правоты их дел, по свидетельству псалмопевца: *Священницы Твои облечутся правдою* (Пс. 131, 9), и что как пастыри, так и пастыреначальники должны возвещать своим пасомым и подчиненным путь жизни и словом, и примером.

Но в особенности пастырь, приготавливаясь к проповеди, должен внимательно и с предосторожностью обсуживать, что намеревается предложить своим слушателям, чтобы какой-нибудь неправославной мыслью или вычурностью речи не возмутить и не оскорбить их совести; в противном случае, стараясь выставить себя мудрейшим других, он расторгнет только союз единства между собой и слушателями своими и выкажет тем более свое неразумие. Поэтому-то Спаситель, говоря ученикам Своим: *Имейте соль в себе, и мир имейте между собою* (Мк. 9, 50), разумеет мудрость в слове. Посему: кто хочет говорить мудро, тот должен тщательно остерегаться, чтобы не нарушить словом своим единства любви и мира в слушателях, или, как говорит апостол Павел, *не мудрствовати паче, еже подобает мудрствовати: но мудрствовати в целомудрии* (Рим. 12, 3). И на ризе верховного жреца (первосвященника), по слову Божию, возле звонцов прикреплялись гранатовые яблоки (см.: Исх. 28, 33; см. также 25-е письмо святого Григория в книге 1). А этими яблоками что выражается, как не единство веры? Ибо как в гранатовом яблоке одной внешней корой охватывается и как бы ограждается множество внутри зерен, так и в Церкви святой единством веры и наружных обрядов объемлются и сохраняются многие народы, по внутреннему составу и устройству своему различные между собой. Итак, чтобы предостеречь пастырей от необдуманных речей, Иисус Христос Сам от Себя взывает к ученикам: *Имейте соль в себе, и мир имейте между собою*, и чрез символику одежды жреческой как бы так говорит: «Прикрепите к звонцам яблоки гранатовые, чтобы во всем, что ни услышит от вас народ, сохранялся и поддерживался в нем союз веры».

Нужно также старательно заботиться пастырям и о том, чтобы не только ничего не говорить дурного, но и о хорошем говорить не без меры и не без разборчивости: ибо часто проповедь теряет свою силу и действенность, когда в сердцах слушателей остаются одни бессодержательные слова болтливой проповедника, и самая эта неразборчивая болтливость роняет его в глазах слушателей и мешает ему быть для них полезным. Хорошо поэтому сказано у Моисея: *мужу, ему же еще будет изливание (семени) от тела его, изливание его нечисто есть* (Лев. 15,2). Ибо в уме слушателей семя имеющей возродиться мысли зависит от свойства слова проповедника, потому что какое слово воспримется слухом, такая и мысль рождается в уме. Поэтому и мудрецы мира сего (эпикурейцы³⁷ и стоики³⁸) называли самого апостола Павла *про-*

³⁶ Срѣтение (церковнослав.) – встреча. – *Ред.*

³⁷ Эпикурейцы – последователи древнегреческого философа-материалиста и атеиста Эпикура (341–270 годы до н. э.), просветителя древности, материалистически объяснявшего мир на основе атомистического учения; этическое учение Эпикура основано на разумном стремлении человека к счастью. – *Ред.*

*поведником суесловивым (seminiverbius) (см.: Дели. 17, 18). Таким образом, и пастырь, предлагающий слушателям своим изливание семени своего неестественным образом, является нечистым, и слушающий его, как прикасающиеся нечистоте, скверняется, потому что, вдаваясь в излишнюю и несообразную говорливость, он и самого себя, и других оскверняет; и тогда как он, посеяв семя свое естественным образом и с тактом, мог бы породить в сердцах слушателей своих чистые и правые мысли, он же своей неосторожностью и противоестественной бестактностью все³⁹ расточает только дары своего призвания, но не плодотворит, извергая семя свое для одного осквернения. Не лишним при этом находим привести здесь следующее увещание апостола Павла, которое он преподавал ученик⁷ своему Тимофею о настойчивости проповеди слова Божия: *засвидетельствую (заклинаю тебя)... аз пред Богом, – говорит, – и Господом нашим Иисус Христом, хотящим судити живым и мертвым в явлении Его и Царствии Его: проповедуй слово, настой благовремение и безвременне* (2 Тим. 4,1–2). Говоря таким образом, апостол не без причины поставил слово *благовремение* прежде слова *безвременне*, потому что проповедник уронил бы собственное достоинство в глазах слушателей, если бы стал проповедовать неблаговременно, не зная наперед, что такое благовременная проповедь, и не обращая внимания на ее приложение.*

³⁸ Стоики – последователи стоицизма (по названию портика Stoa в Афинах, где учил философ Зенон) – направления в философии античного общества, колебавшегося между материализмом и идеализмом; согласно стоицизму, задача мудреца – освободиться от страстей и влечений и жить, повинаясь разуму; римский стоицизм, в котором преобладали идеалистические и религиозные воззрения и призывы к покорности судьбе, оказал большое влияние на раннее христианство. – *Ред.*

³⁹ Всуе (церковнослав.) – тщетно, напрасно. – *Ред.*

Глава 5

Пастырь духовный как руководитель своей паствы должен сочувствовать в сострадании каждому более других и более всех погружаться в уединенное созерцание.

Пастырь, правящий духовным стадом Христовым, должен принимать живое участие в сострадании к каждому ближе других и более всех уединяться в созерцательное размышление. Таким образом он будет, с одной стороны, поднимать и облегчать своей любовью немощи чад своих, а с другой – и сам подниматься чрез созерцание невидимого на высоту небесную. Стремясь в горня, он не оставит и ближних своих, нуждающихся в его помощи среди удручающих их немощей, а принимая участие в сострадании к их нуждам, он не перестанет стремиться и в горня. Так апостол Павел и возносится духом в рай, созерцая тайны третьего неба (см.: 2 Кор. 12, 2–4), и среди этих таинственных созерцаний принимает самое живое участие в немощах плотских людей, заботясь даже о том, как им лучше устроиться со своими похотями. ...*Блудодения ради*, – говорит он к коринфянам, – *кийждо свою жену да имать, и каяждо (жена) своего мужа да имать. Жене муж должную любовь да воздаст: такождеи жена мужу*; и затем: *Не лишайте себе друг друга, точно по согласию до времени, да пребываете в посте и молитве, и паки вкупе собирайтесь, да не искушает вас сатана невоздержанием вашим* (1 Кор. 7,2–3,5). Вот каким образом могут быть совмещаемы и самая высокая созерцательность духовная, и самое попечительное сострадание к плотским немощам! Выспренным⁴⁰умом своим апостол возносится до тайн невидимого мира ангельского, а жалостным сочувствием сердечным к слабостям человеческим нисходит до тайн супружеского ложа. Он проходит созерцанием небеса и не оставляет без заботы и попечения плотского ложа земнородных, потому что по взаимному союзу любви и к горнему, и к дольному он уносится силой мысли в самом себе и в область предметов духовных и вместе с тем изнемогает сострадательным сердолобием и к ближним. *Кто изнемогает*, – говорит он о себе к тем же коринфянам, – *и не изнемогаю* (с кем бы и я не изнемогал)? *Кто соблазняется, иазнеразжизаюся?*(2 Кор. 11, 29).

Или еще: *Бых иудеом* (для иудеев) *яко иудей* (1 Кор. 9, 20). Конечно, является он таковым, не веру изменяя, но расширяя и свидетельствуя любовь свою, чтобы, вообразив себя одним из неверующих, по собственному, так сказать, опыту уразуметь, до какой степени они достойны сожаления, и потом делать для них все, чего бы желал себе, если бы был на их месте. Вот и еще: *Аще убо изумихомся, Богови: аще ли целомудрствуем, вам*⁴¹ (2 Кор. 5, 13), то есть он умел вместе и духом возвышаться к Богу, и чувством кротости и снисхождения привлекать к себе в слушателях ближних своих. На это же указывала и ветхозаветная лестница, виденная Иаковом, которая одним концом утверждалась на земле, а другим досягала до престола Божия на небе и по которой восходили и нисходили Ангелы Божии (см.: Быт. 28, 12); точно так же и проповедники истинные не только возносятся горе, мысленно созерцая Божественную Главу Церкви, то есть Самого Господа, но и преклоняются долу, сердобольно сострадая немощным ее членам. На то же указывал и Моисей, часто входивший во святилище и исходивший из него. Он входил туда заниматься богомыслием, а выходил оттуда для устройства дел в народе Божиим, подкрепляя и утверждая словом и примером изнемогающих в нем. Там размышляет о таинственных путях домостроительства Божия, а здесь разделяет с другими бремя немощей плотских. И если он во всех сомнительных случаях прибегал во святилище и пред ковчегом завета обращался ко Господу за советом, то этим он, конечно, подавал пример пастырям, чтобы и они, когда во

⁴⁰ Выспрь – вверх; отсюда происходит выспренный – высокий. – *Ред.*

⁴¹ *Если мы выходим из себя, то для Бога; если же скромны, то для вас* – *Ред.*

внешних делах будут недоумевать о чем-либо, обращались умом своим к Церкви как к святылице своему и, руководствуясь Священным Писанием, как пред ковчегом завета, молитвенно испрашивали совета и уразумения от Господа. Так и Сам Господь наш Иисус Христос – воплотившаяся Истина и явившаяся нам чрез восприятие на Себя нашего человечества – и молится (на горе) Отцу Небесному, и творит чудеса (в городах), подавая Собою пример добрым пастырям, что, как бы ни любили они заниматься созерцанием, не должны, однако же, уклоняться от сострадания и благотворительности слабым и немощным, потому что любовь тем более возвышается к горнему, чем более расширяется она в сострадании и милосердии к дольнему, и мы тем способнее становимся возноситься к Богу, чем благодетельнее⁴² делаемся для ближних.

Таковыми должны являть себя пастыри и пастыреначальники пред своими пасомыми и подчиненными, чтобы они не боялись и не стеснялись поверять им тайные недуги свои, чтобы во всех искушениях, каким бы ни подвергались они, прибегали к ним, как младенцы на материнское лоно, ввиду того что в случае осквернения совести своей греховными нечистотами они могут омыть себя пред ними слезами покаяния и получить от них прощение и утешение. Так и в преддверии храма Соломонова для омовения рук всякого, входившего в него, находилось *море, (медяно) лияно, или слияно*, утверждавшееся на *дванадесяти волах*, коих видимы были только передние части, *задняя же их бяху внутрь* (ср.: 3 Цар. 7, 23,25; 2 Пар. 4, 2,4). Не есть ли это море с поддерживающими его двенадцатью тельцами, служившее для входящих в храм как бы очищением совести чрез омовение рук, не есть ли это символ или выражение вообще чина пастырей, коим дана власть Самим Господом вязать и решать грехи своих пасомых (см.: Мф. 18,18; Ин. 20, 23)? На этот символизм ясно указывает и апостол Павел, рассуждая об апостольском служении, когда приводит слова из закона Моисеева: *да не заградиши (обратиши) устну вола молотяща*; и тут же делает пояснение: *Еда о волех радит Бог? Или нас ради всяко глаголет?* (1 Кор. 9, 9,13–14). Да, служащие алтарю от алтаря и питаются и проповедающие благовестие от благовестия и живут (см.: Втор. 25, 4; 1 Тим. 5, 18). Да и пастырей, как ветхозаветных оных тельцов, поддерживающих медное море, мы видим, так сказать, только спереди, то есть их наружное благочестие, а то, чем явятся они впоследствии на Суде Божиим, для нас остается тайной. И они, когда разрешают по состраданию и снисхождению к ближним грехи их, как бы держат умывальницу в преддверии храма для очищения совести кающихся, чтобы каждый, желающий войти в двери Царствия Небесного, мог исповедать пастырям, на то поставляемым, свои прегрешения и омыть свои нечистоты душевные. Нередко, конечно, случается, что пастырь, снисходительно выслушивая чужие прегрешения, и сам изнемогает под тяжестью их; и с ним бывает то же, что с водой в умывальнице, которая по необходимости делается мутной, когда многие в ней омываются: приемля на себя нечистоты других, он как бы омрачает ими светлость своей чистоты. Но это не должно устрашать пастыря, а пусть уповает он на помощь Божию, с которой тем надежнее избавится и от своих грехов, чем сострадательнее подымлет на себя бремя чужих.

⁴² Благодетельство (церковнослав.) – делание другим добра, благотворение. – Ред.

Глава 6

Пастырь духовный как руководитель своей паствы должен быть ласковым в обращении с благонравными и стойким ревнителем правды пред порочными.

Пастырь, правящий духовным стадом Христовым, должен ласково и дружелюбно обращаться с благонравными и являться строгим ревнителем правды пред порочными. С благонравными он должен смотреть на себя как на равного им, нисколько не превозносясь пред ними ни своим положением, ни своими достоинствами, а пред порочными – сознавать свою высокую власть и не страшиться пользоваться ее правами. Ибо известно, что природа, как замечено нами в книгах *Нравоучений* (Moralia)⁴³, производит всех людей равными, а только разность их личных заслуг и достоинств делает между ними различие; и это самое различие между собой людей, зависящее от их относительных достоинств и недостатков, Божественным Промыслом направляется к их общему взаимному добру, именно: так как не все могут равно держаться с одинаковой твердостью, то одни обязываются подчиняться управлению других. Посему все правители прежде всего должны обращать внимание не на власть над подчиненными по своему положению, а на равенство с ними по природе своего происхождения, и утешаться не тем, что они начальствуют над подобными себе, но тем, что, начальствуя над ними, они имеют возможность быть для них полезными. Поэтому в священных памятниках говорится о праотцах наших, что они не помышляли о правительственной власти над подобными себе, а довольствовались быть пастырями стад бессловесных. И Господь – Творец и Владыка вселенной, благословляя первых людей, когда говорил им: *раститесь и множитесь, и наполните землю, и господствуйте ей, и обладайте ею*, то к этому присовокупил и следующие слова: *и страх и трепет ваш будет на всех зверех земных (и на всех скотех земных), на всех птицах небесных и на всех движущихся по земле и на всех рыбах морских: в руке ваши вдах (я)* (Быт. 1, 28; 9, 1–2). Таким образом, Богом дозволено им наводить страх и трепет на животных бессловесных, но не на людей, подобных себе. Человек превознесен природой только над бессловесными животными, а между собой люди по природе одинаковы и равны; следовательно, стремиться к тому, чтобы пред нами трепетал равный нам человек, – значит властвовать против природы. За всем тем, однако же, необходимо пастырям – как правителям – держать в страхе подчиненных им пасомых, как скоро заметят, что кто-либо из членов пасомого ими стада духовного нимало не страшится Бога, необходимо, чтобы, по крайней мере, страхом человеческим удерживать от греха тех, для кого не страшны суды Божии. Внушая страх к себе не ради своего тщеславия и властолюбия, но ради правды Божией и пользы ближних, они не могут быть подвергаемы за то упрекам в гордости. И в этом случае, когда пастыри страхом обуздывают безрассудную и нечестивую жизнь людей-грешников, они уже как бы не над людьми господствуют, а над бессловесными животными и страхом должны действовать на то, что низводит их до степени животных.

К сожалению, нередко пастыри, а тем более пастыреначальники по самому положению своему в отношении к пасомым и подчиненным от этих самых опытов высокой власти впадают в искушение превозношения и гордости. Когда всё пред ними преклоняется и готово к их услугам, когда и малейшие желания их, не говоря уже о приказах, безотлагательно приводятся в исполнение, когда все подчиненные, не смея противоречить им ни в чем, превозносятся их похвалами не только за хорошие дела, заслуживающие одобрения, но и за сомнительные и даже явно нехорошие, которые вместо одобрения надлежало бы подвергнуть порицанию и осуждению, тогда они, обольщенные таковыми низкими ласкательствами угодников своих, воображают себе, что в самом деле высоко поднялись на пути к совершенству. Совершенно

⁴³ Lib. 21, cap. 10.

занятые лестью совне, они уже не слышат истины внутри от заглушаемой совести своей и, впадая в самозабвение, слушают только других, считая себя именно такими, какими расписывают их человекоугодники, а не такими, каковы они на самом деле. С тем вместе они недалеки бывают и от того, что презирают низших себя, им подвластных, не признают их равными себе и по природе; случайно возвысаясь над ними одним званием власти, они думают уже, что превосходят их и нравственными заслугами. Им кажется, что они настолько мудрее их, насколько сильнее их. Воображая себя на какой-то недоступной высоте, они не удостаивают и взглядом равноправности тех, с коими сама природа связала их равноправностью, и, таким образом, уподобляются тому, кто, презрев в гордости своей общество самих Ангелов, замечтался до того, по свидетельству Писания, что возымел дерзость выразиться о себе так: *на небо възиду, выше звезд небесных поставлю престолмой... буду подобен Вышнему* (Ис. 14,13–14), тогда как в том же Писании сказано о нем: *все высокое зрит; сам же царь всем сущим в водах*⁴⁴ (Иов. 41, 25). Так, по дивному и праведному суду Божию, тот, кто мечтал вознестись превыше всего, очутился за свою гордость в безднах отвержения и низвержения; так и всякий человек, который считает для себя за низость уподобляться другим людям, себе же подобным, и с презрением относится к ним, не удостаивая их равноправности с собой, становится подобным богоотступному ангелу. И Саул, поначалу смиренный, когда достиг верховной власти, то возмечтал о себе слишком много и впал в гордость, чрез что и лишился благоволения Божия, ибо за смирение он был превознесен, а за гордость подвергся осуждению, по засвидетельствованию Самого Господа, как сказано в Писании: *еда не мал был еси ты пред ним, и не властелина ли ты постави хоругви колена Израилева? и помаза тя Господь на царство Израилево... <...> ...Яко уничижил еси глагол Господень, и уничижит тя Господь не быти тебе царем во Израили*⁴⁵ (1 Цар. 15, 17, 26). Сначала он сам признавал себя малым; но когда утвердился на престоле, то не стал уже замечать своей малости. Сравнивая себя с поданными, преклонявшимися пред его могуществом, он вообразил себя великаном. А между тем – дивное дело! – пока сам себя считал малым, в очах Божиих был он велик; когда представился себе великим, то явился пред Богом мал. Отсюда открывается, что нередко дух начальника от притока раболепных подчиненных разливается бурным потоком гордости, тем более стремительным, что ему благоприятствует самая высота власти, откуда он истекает. И потому, чтобы пастырь, которому вручается власть управления, мог хорошо править своей паствой, нужно, чтобы он умел кстати пользоваться ею над другими и кстати обуздывать ее в самом себе, чтобы знал, где быть строгим, а где быть снисходительным, никогда не забывая того, что и он такой же человек, как и его пасомые. Ибо если мы, по слабости своей природы, находим довольно предлогов к превозношению и тогда, когда никакой не бываем облечены властью, то не больше ли предстоит нам опасности возгордиться в то время, когда к тому присоединяется еще власть? Но тот будет право править своей властью, кто сумеет извлекать из нее одно благо и побеждать ее соблазны, в ком ощутится дар и призвание при этой власти и не чуждаться уравниения с подчиненными своими, и являться грозным мстителем пред грешниками за их неправды.

Но мы еще лучше и с большей отчетливостью поймем эту истину, когда обратим внимание на примеры первых пастырей и великих учителей христианской Церкви, первоверховных апостолов Петра и Павла. Так, апостол Петр, прежде всех призванный с братом своим Андреем и назначенный в пастыри ей Самим Господом, когда увидел, что Корнилий, *муж праведен и бояйся Бога*, сретив его в доме своем, *пад на ногу его поклонися* ему, то сейчас заметил, что такая униженность неуместна, и, признав себя равным ему, поднял его и сказал: *Востани*, не подобает так делать, *и аз сам человек есмь* (Дели. 10, 22, 25–26). Но тот же самый апостол,

⁴⁴ В подлинном же тексте святого Григория последняя половина этого стиха читается так: «ipse est super universos filios superbīae» (сам же – царь над всеми сынами гордыни).

⁴⁵ *не малым ли ты был в глазах твоих, когда сделался главою колен Израилевых, и Господь помазал тебя царем над Израилем? <...> ...Ибо ты отверг слово Господа, и Господь отверг тебя, чтобы ты не был царем над Израилем* – Ред.

когда открыто было ему всеиспытующим Духом преступление Анании и Сапфиры во лжи святотатственной, торжественно показал, каким могуществом власти превознесен был он пред другими людьми: ибо силой слова своего пресек жизнь преступников, являясь верховным в Церкви карателем грешников, каковой власти и преимущества, при всем страхе и благоговении к нему, не выражал он пред людьми добродетельными (см.: Дели. 5, 1-10). Там святость жизни внушила ему сознание общего равенства людей по природе и расположила к общительности; здесь ревность праведного мщеника за греховность неправд вызвала в нем права власти. Так и апостол Павел не выражал своего преимущества и достоинств пред отличающимися верой и добродетельной жизнью, когда говорил: *не яко обладаем верою вашею, но (яко) споспешницы есмы вашей радости*, и к этим словам тут же присовокупил еще и следующие: *верую бо стоите* (2 Кор. 1, 24). Он как бы так изъяснялся: «Потому именно и не решаемся мы господствовать над вашей верой, что вы сами стоите верой; ибо мы признаем себя равными вам в том, чем вы стоите». Подобным образом забывал он пред достойными братьями о своих преимуществах и тогда, когда писал к фессалоникийцам: *мы могли бы явиться к вам с важностью, как апостолы Христовы, но быхом ти́си⁴⁶ посреде вас, якоже доилица греет своя чада⁴⁷* (1 Сол. 2, 7), и в другом месте к коринфянам: *Не себе бо проповедаем, но Христа Иисуса Господа: себе же самех рабов вам Иисуса (Господа) ради* (2 Кор. 4, 5). Но когда узнал, что в Церкви Коринфской произошли некоторые беспорядки, требовавшие исправления, то каким грозным учителем вдруг является он! *Что хотите?* – пишет к ним. – *С папщею ли прииду к вам, или слововишю?* (1 Кор. 4, 21).

Итак, на всяком месте управление тогда бывает хорошим, когда правитель или начальник господствует и преобладает больше над пороками, чем над подчиненными, подобными себе братьями по природе. Мало того, даже и тогда, когда начальники употребляют исправительные меры против порочных, они должны еще так рассуждать: «По долгу звания, хотя я со всей силой власти раздражаюсь над виновными и обязан быть взыскательным в отношении к ним, но если бы у меня было побольше смиренномудрия, то, может быть, я увидел бы, что и сам-то я столько же грешен, как и эти люди, мной обличаемые и исправляемые, коим я, как человек, подобострастен». Иногда хорошо даже втайне предпочитать себе тех, против кого мы открыто и громко вопием. Ибо между тем как мы без пощады обличаем и поражаем их проступки, о наших никто нам и словом не напомним. Стало быть, мы тем повиннее становимся пред Богом, чем безнаказаннее грешим в глазах людей; тогда как подчиненные наши, благодаря нашей строгости, тем более могут надеяться на милость Верховного Судии, чем более грехи их не остаются здесь без наказания. Поэтому начальнику надлежит быть и в душе смиренным, и на деле строгим. Но при этом надобно тщательно остерегаться, чтобы смирение не выходило из пределов благоразумия и не обратилось во вред власти, – чтобы тот, кто превознесен властью Богом, унижаясь больше, чем следует, не сделался бессильным обуздывать подчиненных строгими мерами. Пусть же пастыри как правители своих паств, а тем более пастыреначальники и во внешних действиях своих будут внимательны к тому, что и как предпринимают на пользу подчиненных, и внутренне блюдут себя от того, чтобы не потерять у них уважения к себе. Тогда и пасомые как подчиненные будут в то же время видеть, что пастыри их столько же смиренны сердцем, столько заботливы и о приличном обнаружении своей власти, и в первом будут подражать им, а в последнем будут с благоговением бояться их. Пусть непрестанно подавляют они внутри себя свое могущество по мере того, как оно возрастает у них совне, чтобы не восторжествовало над их смиренномудрием и не увлекло их в оболыщение: желание власти над другими не должно лишать нас власти над собой. Так, чтобы пастырь не увлекался и не пленялся властолюбием, премудрый говорит: *Старейшину ли ты поставиши,*

⁴⁶ В подлиннике: «sicut parvuli» (как младенцы).

⁴⁷ *но были тихи среди вас, подобно как кормилица нежно обходится с детьми своими* – Ред.

не возносятся, но буди в них яко един от них (Сир. 32, 1); и апостол Петр учит: *пасите... стадо Божие... ни яко обладающе причту, но образи бывайте стаду*⁴⁸ (1 Пет. 5, 2–3). Да и Сам Иисус Христос не то же ли внушал, когда говорил о самоуничижении, как о самом высоком достоинстве христианских добродетелей? *Весте*, – говорит Он ученикам Своим, – *яко князи язык господствуют ими, и велицыи обладают ими: не тако же будет в вас: но иже аще хочет в вас вящий*⁴⁹ *быти, да будет вам слуга: и иже аще хочет в вас быти первый, буди вам раб: якоже Сын Человеческий не прииде, да послужат Ему, но послужити* (Мф. 20, 25–28). Не с той ли целью изобразил Он и бедственную участь, ожидающую того раба, который возгордился вверенной ему властью и во зло употребил ее? Вот что о нем говорится: *Аще ли же ренет злый раб той в сердцах своем: коснит господин мой прийти, и начнет бити клеветы своя, ясти же и пити с пияницами: придет же господин раба того в день, в оньже не чает, и в час, в оньже не вест, и растешет его полма, и часть его с неверными*⁵⁰ *положит: ту будет плач и скрежет зубом* (Мф. 24, 48–51). Из этих последних слов Господа видно и то, что властолюбие сопровождается еще тяжким злом лицемерия и потворства властолюбца в отношении к беспорядкам и бесчинию подвластных, потому что властолюбивый правитель большей частью имеет в виду удовлетворение своих порочных страстей, а не исправление других от пороков. А сколь противно это Богу в правителях, коим вручается власть над подчиненными для их блага, а не на пагубу, поучает нас библейский пример: Илия, который за потворство беззакониям детей своих так обличен был Господом: *почто... прославил ты сыны твоя паче Мене?* – и вскоре затем сам он, и дети его наказаны были смертной казнью (1 Цар. 2, 29; см.: 4, 17–18). За такое же нерадение и пренебрежение власти упрекает Господь пастырей и чрез пророка, вызывая к ним: *Оле, пастырие Израилевы! Еда пасут пастырие самих себе? не овец ли пасут пастырие? Се, млеко идите и волюю одеваеся... а овец моих не пасете... сокрушенного не обязате*⁵¹ *и заблуждающего не обратисте...* (Иез. 34, 2–4). *Обратить же заблуждающего* — значит взискать падшего грешника пастырской заботливостью и наставить на путь правый, а *обязать сокрушенного* — значит остановить греховный недуг его пастырской дисциплиной, когда пастырь врачует духовные раны духовными средствами и, подобно врачу телесному, употребляет то более легкие, то более крепкие перевязи, смотря по обстоятельствам болезни страждущего, а иногда решается на самые строгие меры, рассекая раны и даже отсекая целые части больные, чтобы они не сделались смертоносными для всего состава.

Но часто и у врачей телесных от неосторожного перевязывания, а еще более – сечения болезнь не только не ослабляется, но еще пуще усиливается: когда или слишком тугая перевязка чрез меру сдавливает больное место, или смелое сечение оканчивается неблагоприятным исходом. Посему и тот, кто врачует язвы греховные строгими мерами, должен соблюдать при этом величайшую осторожность, так чтобы в самой строгости видна была и любовь. Пусть же пастырь духовный будет для своих пасомых и отцом по строгости (*disciplina*), и матерью по любви (*pietate*); а вместе с тем пусть тщательно бережется он, чтобы строгость не обращалась в жестокость, любовь же – в слабость. Ибо, как мы заметили и в книгах *Нравоучительных* (*Moralia*)⁵², строгость и снисходительность (*disciplina vel misericordia*) много теряют одна без другой. В пастырях по отношению к пасомым они должны быть нераздельны, так чтобы у них и строгость растворялась человеколюбивой снисходительностью, и снисходительность не пренебрегала законной строгостью. Так, по словам Спасителя (см.: Лк. 10, 30–35), добрый сама-

⁴⁸ *пасите Божие стадо, какое у вас, надзирая за ним не принужденно, но охотно и богоугодно, не для гнусной корысти, но из усердия* — Ред.

⁴⁹ Вящий (церковнослав.) – больший, лучший. – Ред.

⁵⁰ В подлиннике сказано: «*cum hypocritis*» (с лицемерами).

⁵¹ *горе пастырям Израилевым, которые пасли себя самих! не стадо ли должны пасти пастыри? Вы ели тук и волюю одевались... а стада не пасли. Слабых не укрепляли, и больной овцы не врачевали, и пораненной не перевязывали* — Ред.

⁵² Lib. 20, cap. 8 et Epist. 25. Lib. 1.

рянин, проезжая из Иерусалима в Иерихон, нашел на пути избитого разбойниками человека, оставленного ими *едва жива*, и, сжалившись над ним, перевязал ему раны, *возливая масло и вино*, и привез его с собой в гостиницу, чтобы позаботиться о нем: он возливал *вино*, чтобы раздражить боль, а *масло* — чтобы согреть и утишить боль, потому что при врачевании ран раздражительная сила вина предохраняет от гниения, а облегчительное свойство масла способствует исцелению. Таким образом, надобно соединять строгость и кротость и уравнивать их между собой как бы в одном составе, тогда подчиненные не будут оскорбляться и ожесточаться от слишком строгих мер и не будут вдаваться в беспечность от неумеренной снисходительности. Такое соединение необходимых свойств пастыря весьма хорошо, по свидетельству апостола Павла, изображалось в *ковчеге завета*, который, кроме *скрижалей*, заключал в себе *жезл* и *манну* (Евр. 9, 4); так как и пастырь должен, кроме знания Священного Писания, носить при себе жезл прещения⁵³, имея в готовности у себя и манну утешения. От того-то и псалмопевец говорит: *жезл Твой и палица Твоя, там я утешиста* (Пс. 22, 4); ибо жезлом поражаем, а палицей подпираемся. Если есть жезл, который разит и устрашает, то пусть будет и палица, которая подкрепляет и поддерживает. Итак, пастыри, любите своих пасомых, но не потворствуйте им; будьте к ним строги, но не раздражайте, чтобы строгость ваша не приводила их в отчаяние; являйте себя ревнителями правды, но не до ожесточения; будьте ласковы и снисходительны, но не сверх надлежащего до поблажки греховным наклонностям: тогда *милость и истина* встретятся, *правда и мир* облобызаются (Пс. 84, 11) на престоле правительственной власти и правосудия; тогда пастыри и пастыреначальники ни грозным судом не поколеблют в подчиненных благорасположения к себе, ни судом милостивым не умалят в них страха к своей власти.

⁵³ Прещение (церковнослав.) – угроза. – *Ред.*

Глава 7

Пастырь духовный как руководитель своей паствы не должен забывать внутренних нужд ее среди забот о делах внешних, ни внешних дел не должен оставлять в заботливости о внутренних.

Пастырь, правящий духовным стадом Христовым, в заботах о внешних делах паствы не должен забывать и внутренних нужд ее, ни среди заботливости о внутренних нуждах не должен пренебрегать и внешними делами: несоблюдение этих условий неизбежно поведет и в том, и в другом случае к пагубным крайностям.

Так нередко и бывает, что иные пастыри, как бы забывая и упуская из виду, что они поставлены главным образом заботиться о вечном спасении душ, вверенных их попечению, всецело предаются мирским заботам, имеющим целью только временное благополучие. Когда есть у них такие занятия, то они в восторге; если же нет, то ни днем, ни ночью не дают себе покоя, думая и передумывая, как бы найти их. Что для других служит вожделенным отдохновением, то для них становится томительнее и мучительнее всякого труда. И в этих суетных заботах они находят величайшее наслаждение, так что они собственно тягостятся отсутствием этих забот, а не тем, когда они ежеминутно подавляют их. Что же выходит из этого? То, что, увлекшись вихрем мирских забот, они не обращают уже никакого внимания на главную и существенную обязанность свою – быть духовным руководителем своих подчиненных. А оттого и подчиненные, без сомнения, охлаждаются в своей жизни ревностью о благочестии. Иной из них и готов бы преуспевать в жизни духовной, но в соблазнительном примере предстоятеля своего встречает как бы преткновение на пути к тому. Ибо когда ослабевает и опускается голова, то тщетны напряжения членов; и воины в преследовании врага напрасно усиливают свои переходы, если сам полководец сбился с надлежащей дороги и направляет их не в ту сторону, куда бы следовало. Не услышит паства ни утешения, которое бы облегчило и поддержало труждающихся, ни обличения, которое вразумило бы виновных: приставник и хранитель душ их превратился в мирского судию; стадо не имеет уже пастыря для охранения себя. Чада Церкви лишаются возможности просветиться светом истины, когда учителя их всеми помыслами своими погружаются в житейские заботы, пристрастие к коим помрачает их глаза. Сии-то печальные последствия имел в виду предупредить и предотвратить Искупитель рода человеческого, когда, увещевая нас быть воздержными в пище и питии, остерегал и от печалей житейских напоминанием страшного Дня Судного в следующих словах: *Внемлите же себе, да некогда отягчают сердца ваша объядением и пьянством и печальми житейскими, и найдет на вы внезапно день той: яко сеть бо придет на вся живущия на лицах всея земли* (Лк. 21, 34–35); или когда говорит: *Никтоже может двема господинома работати... Не можете Богу работами и мамоне* (Мф. 6, 24). Подобным образом и апостол Павел, отклоняя благочестивых и богобоязненных людей от пристрастия к мирским заботам и положительно преследуя этот недуг, говорит: *Никтоже (бо) воин бывая (Богови)*⁵⁴ *обязуется куплями житейскими, да воеводе угоден будет* (коему обязался служить) (2 Тим. 2, 4). И потому пастырям и пастыреначальникам как правителям и учителям Церкви он, с одной стороны, заповедует не обременять себя таковыми заботами, а с другой – подает благие советы в указании на этот раз средств к удовлетворению и этим потребностям, говоря как бы в дополнение к тому: *Житейская бо судища (тяжбы)*⁵⁵ *еще имате, уничиженных (низших членов Церкви)... сих посаждаете* (1 Кор. 6, 4), то

⁵⁴ Так читается этот текст у святого Григория: «peto militans Deo implicat se negotiis saecularibus, ut ei placeat, cui se probavit».

⁵⁵ У святого Григория в одних изданиях говорится: «saecularia iudicia» (житейские тяжбы), а в других сказано вообще: «saecularianegotia» (житейские заботы).

есть: житейскими делами пусть распоряжаются те, кои не наделены дарованиями духовными; или еще яснее: есть люди, которые не могут глубоко постигать духовных предметов, они-то пусть и занимаются необходимыми делами житейскими. Так и Моисея, собеседника Божия, не одобрял тесть его, иноплеменник Иофор, за то, что он без нужды и неблагоприятно утруждает (*stulto labore*) и себя и других разбирательством тяжб народных, выразившись пред ним так: *не право ты твориши*, и тут же присоветовал ему назначить для сего и подобных тому дел житейских вместо себя особых мужей, которые бы *всякое слово легкое судили сами*, а о *всяком слове неудоборешительном доносили ему*, самому же ему *быть людям в тех яже к Богу*, и *доносить словеса их к Богу*, и *свидетельствовать им повеления Божия и закон Его*, и *поведать им пути Его*, *имиже пойдут*, и *дела, яже сотворят*, и тогда он *возможет настоятельствовати и еси людие приидут во свое место с миром* (ср.: Исх. 18, 17, 26, 19–20, 23).

Итак, пастыри, а тем более пастыреначальники, должны дела меньшей важности поручать подчиненным своим, низшим себя, под своим наблюдением, а сами заниматься преимущественно делами важнейшими, чтобы, так сказать, око, которое должно управлять стопами, не омрачалось прахом земным. В самом деле, всякий начальник есть глава своих подчиненных; а чтобы ноги ступали прямо, голова должна смотреть, конечно, сверху на дорогу: иначе, когда голова преклонится долу, к земле, тогда ноги неизбежно уклонятся от надлежащего направления и сойдутся с пути. Да и как может пастырь духовный, учитель и руководитель душ, пользоваться уважением, подобающим его званию, если и сам он осуетится теми же житейскими заботами, против которых обязан вооружаться пред лицом своей паствы? Таковым пастырям Господь во гневе Своем грозит чрез пророка Осию праведным возмездием уравнивая их с пасомыми, говоря: *И будет якоже людие, тако и жреци*⁵⁶ (Ос. 4, 9), ибо пастырь ничем не отличается от своих пасомых тогда, когда и он, по долгу звания своего долженствующий учить и руководить других в жизни духовной и словом, и примером, творит то же, что и другие, погружаясь в дела плотской жизни, которые сам же осуждает в подчиненных ему. То же самое и пророк Иеремия с великой скорбью оплакивает в своем плаче о разрушении храма, когда взывает в нем: *како потемне злато, изменися серебро доброе! рассыпашася камыцы*⁵⁷ *святыни в начале всех исходов!*⁵⁸ (Плач. 4, 1). И что означается здесь *златом*, этим превосходнейшим из всех металлов, как не превосходство святости? что – *сребром добрым*, как не любезная всем драгоценность благочестивой жизни? Что – *камнями святыми*, как не разные чины священнослужителей Божиих? Что – *исходами*⁵⁹, как не тот *широкий путь* мира сего, который, по словам Самой Истины, *вводит в пагубу*? (Мф. 7, 13). Итак, *злато* темнеет и блеск свой теряет, когда святая и неукоризненная жизнь омрачается суетными мирскими заботами; *серебро доброе* изменяет свою белизну, и чистота его тускнеет, когда доброе о нас мнение, заслуживаемое добрыми делами, переменяется в худую молву с переменой нашего нравственного поведения; драгоценные *камни святыни* рассыпаются по распутиям, когда и те, которые должны бы всегда пребывать внутри святилища, как лучшее украшение Церкви, исходят на пути широкие мирской суеты. Ибо эти камни дорогие для того и хранились во святилище храма, чтобы могли служить украшением одежды первосвященника. Но когда служители алтаря своей жизнью не располагают народ к прославлению Икупителя своего, как могут они называться украшением святыни Сего Великого Архиерея? Эти *камыцы святыни* остаются в пренебрежении, как уличные камни, попираемые ногами проходящих, когда священнослужители Божии самолично предаются суетным делам мирским, ища в них корыстолюбивых прибытков и чувственных удовольствий для себя. И надобно заметить, что у пророка не просто о них сказано: *во*

⁵⁶ *И что будет с народом, то и со священником* – Ред.

⁵⁷ Камыцы (древнеслав. «камы») – камни. – Ред.

⁵⁸ *в начале всех исходов* – по всем перекресткам. – Ред.

⁵⁹ «Plateae» на греческом языке *πλάτος* означает вообще *широту*, отсюда и площади, улицы и вообще *широкие* пути названы «plateae».

всех исходах разсыпашася, но: в начале всех исходов, так как они и среди суетных мирских занятий хотят казаться высокими начальниками, чтобы и на широких путях мирской суеты и удовольствий удерживать за собой первенство во имя святости звания своего. Впрочем, ничто не мешает разуметь здесь под *камнями святыни* и те самые камни, из которых построено святилище храма Соломонова. И в этом истолковании скорбь и жалость пророка о разбросанных и попираемых на площадях камнях не будет ли иметь того же самого значения скорби и жалости о том, что священные лица, на которых некогда опиралась слава дома Божия, находят удовольствие исходить на *широкие пути*, вводящие в *пагубу*, и предаваться суетным житейским заботам. Можно еще пастырю иногда терпеть их, можно по временам и обстоятельствам принимать даже участие в них из сострадания к немощной братии; но привязываться к ним до пристрастия и поставлять в них все удовольствие свое – это и недостойно пастыря, и губительно для него: эти житейские попечения могут обременить душу до того, что сделают ее неспособной высвободиться из бездны их и подняться горе.

С другой стороны, нельзя одобрить и тех пастырей, которые посвящают свои занятия исключительно одним духовным предметам, так что внешние нужды паствы для них как бы не существуют, которые не то чтобы предпочитают потребности тела потребностям души, а вовсе уже пренебрегают ими и на удовлетворение их не обращают никакого внимания. Ибо и здесь что бывает следствием сего? И пасомые, не видя в них сочувствия к своим нуждам, остаются, в свою очередь, равнодушны и к ним, пренебрегая большей частью их пастырскими наставлениями, хотя в существе своем и полезными, но слабо действующими на сердца их, мало к тому подготовленные и удовлетворением насущных потребностей не привлеченные. Выслушивая из уст их обличения своего невежества и своих проступков, но не видя сочувственного сострадания к своим немощам и нуждам настоящей жизни, они неохотно слушают их духовные беседы, а еще менее выполняют то, что им внушается в них. Для нуждающихся в вещественных благах недействительны бывают уроки такого учителя, который не подает им руки помощи в претерпеваемых ими нуждах и не привлекает к себе милосердием. Семя слова Божия легко проникает в сердца их, возрастает и дает плоды тогда только, когда проповедник орошает и поливает его сострадательным милосердием к ним. Поэтому пастырям необходимо заботиться и о невинных средствах к процветанию внешнего благосостояния членов своих паств, если для них вожделенно, чтобы и внутреннее их благочестие тем более процветало. Пусть же они, ревнуя о последнем, не пренебрегают и первым: иначе пасомые их, повторяю, как бы вправе будут отворачиваться от кафедры проповедника, когда он отворачивается от их насущных потребностей жизни. Посему-то и верховный пастырь Христова стада, апостол Петр, с отеческой заботливостью увещевает: *Старцы иже в вас молю яко старец сый и свидетель Христовым отрадем, иже и хотящей славе явится общник: пасите еже в вас стадо Божие*, и, чтобы показать, что он понимает под этим не одно спасение души, но и тела, тотчас присовокупляет: *посещающе не нуждею, но волею и по Бозе, ниже неправедными прибытки, но усердно*⁶⁰ (1 Пет. 5, 1–3). Из этих слов усматриваем, между прочим, и то, с какой любовью апостол предостерегал пастырей от гордости, которая нередко выказывается при подаении помощи нуждающимся, каковая помощь не столько облегчает их, сколько заставляет сильнее чувствовать горестное положение свое, – предостерегал их от того, чтобы сами не голодали от недостатка духовного хлеба правды, когда насыщают неимущих хлебом вещественным. Такую же заботливость о внешнем благосостоянии пасомых внушает пастырям и другой верховный апостол, Павел, следующими словами: *Аще же кто о своих, паче же о присных не промышляет* (не заботится), *веры отверглся есть и неверного горший есть* (1 Тим. 5, 8). Между тем

⁶⁰ Пастырей ваших умоляю я, сопастырь и свидетель страданий Христовых и соучастник в славе, которая должна открыться: пасите Божие стадо, какое у вас, надзирая за ним не принужденно, но охотно и богоугодно, не для гнусной корысти, но из усердия — Ред.

никогда не надобно забывать того, что вера все-таки должна быть предметом самой первой важности, по смыслу тех же слов самого апостола, и потому надлежит остерегаться и зорко следить, чтобы при заботливости о внешних благах ни в каком случае не упускать из виду благ внутренних – духовных; потому что нередко пастыри духовные впадают в противоположные крайности, как сказано нами об этом выше, то есть или предаются всецело заботам о внешних делах паств своих до того, что совершенно охлаждаются в любви к занятиям с ними духовными предметами, или преследуют одни духовные нужды их до того, что вовсе забывают о внешних потребностях их. Поэтому в заботливости своей, особенно по отношению к благосостоянию внешнему пасомых, они должны наблюдать так называемую золотую середину (*certa necesse est mensura teneatur*) и являть в этом со своей стороны величайшее благоразумие. На это некоторым образом намекается и у пророка Иезекииля в законоположениях касательно левитов и жрецов, где, между прочим, говорит Господь пророку: *и глав своих да не обриют, и влас своих да не растят*, но остригая да подрезывают их⁶¹ (Иез. 44, 20). Ибо пастыри духовные потому и называются пастырями, что они поставляются руководителями над вверяемыми их попечению духовными паствами. А власы на главе представляют собой как бы внешние испарения мысли ума; и как власы эти, непостижимым и неуловимым для нас образом возрастая на нашей голове, выражают заботы о жизни настоящей, так и самые эти заботы, появляясь иногда без настоящей потребности и не встречая себе никакого противодействия, как бы без всякого со стороны нашей участия усиливаются в нас. Итак, поелику все вообще начальники обязываются по самому званию своему заботиться о внешнем благосостоянии подчиненных своих, с соблюдением благоразумной умеренности, то и ветхозаветным жрецам не напрасно воспрещалось законом как брить волосы на голове дочиста, так и отращивать их чрез меру длинными, чтобы таким образом пастыри ни уклонялись вовсе от житейских забот о внешних благах своих пасомых, ни пристращались к ним всецело. Поэтому и заповедано им: *но остригая да подрезывают власы свои*, то есть чтобы настолько удовлетворяли житейским нуждам и своим, и ближних своих, насколько необходимость того требует, а всякий излишек отсекали. Пусть же священнослужители Божии, и пастыри, и пастыреначальники как руководители своих паств споспешествуют внешнему благосостоянию их в нуждах, а пристрастие к житейской заботливости обуздывают и в себе, и в других: тогда и власы их сберегутся для покрытия главы, и излишек оных отсечется, чтобы не закрывал и не помрачал глаз⁶².

⁶¹ Последние слова текста, не подведенные нами под курсив, в нашей славянской Библии, по переводу семидесяти, читаются иначе: *покрывающе покрывают главы своя*; у святого же Григория, по Вульгате, весь этот текст читается так: «*sacerdotes caput suum non radent, neque comam nutrient, sed tondentes attondeant capita sua*».

⁶² Позволяем себе заметить здесь, что применительное изъяснение приведенного из пророка текста слишком щепетильно и мелочно (чтобы не сказать произвольно) у святого отца; оно в нашей Православной Церкви не имеет такого применения.

Глава 8

Пастырь духовный как руководитель своей паствы не должен заботиться о том, чтобы нравиться людям и человекоугодничать им, а, напротив того, обязан направлять их мысли на то, что они должны полюбить и на что он должен устремлять свое внимание.

Пастырю, правящему духовным стадом Христовым, кроме всего вышесказанного, необходимо также всячески беречься, чтобы не занимало его слишком свойственное нам желание нравиться людям и не увлекало его до человекоугодничества. Ревнуя о делах внутренних, духовных, и о делах внешних, житейских, своей паствы, он не должен во всем этом заискивать у своих пасомых больше расположенности к самому себе, чем внушать им любовь к истине. Иначе, как бы ни отделялся он подвигами своими от мира и как бы ни казался великим в глазах людей, самолюбие отчуждает его от Бога. Ибо тот враг Испытателя, кто домогается, хотя бы и добрыми делами, не столько заслужить любовь Его, сколько восхитить у Его Церкви привязанность и расположение к себе: это походит на то, как если бы какой-нибудь слуга, чрез которого жених пересылает подарки своей невесте, вздумал предательски привлечь к себе ее сердце и обольстить. От этого самолюбия пастырь нередко делается то слишком слабым, то слишком жестокосердным. Он делается слабым, когда, опасаясь потерять у своих подчиненных расположенность к себе, не предпринимает мер к исправлению нравственных недостатков, замечаемых в них, а иногда даже позволяет себе лестью и угодничеством потворствовать тому, что надлежало ему порицать и осуждать. К таковым пастырям можно отнести следующие слова пророка: *горе сшивающим возглавийцы под всякий локоть руки и сотворяющим покрывала над всякую главу всякого возраста, ежеразвертити души*⁶³ (Иез. 13, 18). Подкладывать же сшиваемые *возглавийцы*, или подушечки, под локти – значит низкой лестью и угодничеством потворствовать грешникам, и без того уклоняющимся от правоты и почивающим на мягком ложе мирских удовольствий. Ибо как бы подушками и покрывалами защищаются локти и голова лежащего от жесткости и докучливости, когда избавляется грешник от строгого обличения и оказываются ему нежные ласки, чтобы он спокойно лежал во зле, не тревожась никакими упреками. Но так обходятся самолюбивые пастыри, без сомнения, только с теми, которых они боятся, чтобы не встретить в них противодействие стремлению своему к временной славе; тех же, которые ни в чем не могут им повредить, напротив того, утесняют с необыкновенной жестокостью, никогда не обращаются с ними милостиво и снисходительно, а, забыв пастырскую кротость, только устрашают силой своей власти. Таких пастырей обличает Господь чрез того же пророка и в другом месте: *властию накажете я и наруганием* (cum austeritate – сурово) (Иез. 34, 4). Любя самих себя более, нежели Виновника своего могущества, они высокомерно надмеваются пред пасомыми, стремясь выказать над ними свою власть в одной силе, а не в том, в чем пастырская их власть должна выражаться; нисколько не страшатся будущего Суда, а лишь бесстыдно тщеславятся своей временной властью, любуясь, что могут безнаказанно делать все, что им угодно, и никто из подчиненных не осмелится возвысить против них голос. Итак, кто готов на всякое нечестивое дело, однако же лучше желает, чтобы другие молчали о его беззакониях, тот сам против себя свидетельствует этим, что он ревнует не о любви к истине, а о себе самом, когда не допускает упреков против себя ни в малейшем уклонении от нее. А между тем найдется ли человек на земле, который бы пожил и не согрешил (см.: Иов. 14,4–5)? Значит, только тот ревнует больше о любви к истине, чем к самому себе, кто никому не препятствует обличать себя

⁶³ *горе сшивающим чародейные мешочки под мышки и делающим покрывала для головы всякого роста, чтобы уловлять души!* – Ред.

за оскорбление истины и желает даже того для исправления своих погрешностей. Так и апостол Петр благодушно выслушал обличение апостола Павла (см.: Гал. 2, 11); так и царь Давид смиренно внимал упрекам подданного своего (см.: 2 Цар. 12, 7); ибо добрые начальники, чуждые самолюбия, принимают за долг послушания и смирения выслушивать свободное и правдивое слово даже от подчиненных. Впрочем, позволяя пасомым таковую свободу в отношении к себе, пастырь должен наблюдать и за тем, чтобы эта свобода не перешла у них в нахальство и гордость и не послужила им самим в ущерб собственного их послушания и смирения.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.